

НОЭЛЬ ИВОН

БЛИЗНЕЦЫ

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ УБИВАЕТ

Ноэль Ивон

Близнецы.

Индивидуальность убивает

«Издательские решения»

Ивон Н.

Близнецы. Индивидуальность убивает / Н. Ивон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741400-9

Главная героиня Сьюзен живет в недалеком будущем, в котором не должно быть ничего, кроме развития, и люди достигают это путем соединения двух Близнецов, имеющих разные способности. Сама Сьюзен хочет быстрее достигнуть совершеннолетия, чтобы соединиться с сестрой, ведь так она сможет достичь идеала, но жизнь девушки меняется, когда ее Близнец погибает во время процедуры. И это может значить только одно. Она — Иная.

ISBN 978-5-44-741400-9

© Ивон Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Близнецы Индивидуальность убивает Ноэль Ивон

© Ноэль Ивон, 2016

© Диана Дубовская, фотографии, 2016

Редактор Александр Иванцов

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В Наше Время, далёкие года от вашего, все совсем не так, как могло предполагаться. У нас нет каких-то особенных технологий, мы еще не изобрели лекарство от СПИДа. В мире, где я живу, все по-другому. Мы не считаем, что каждый человек индивидуален. Мы одинаковые, нас можно повторить. Девиз Нашего Времени в том, что мы не должны выделяться.

С самого начала нас в школе учат тому, что:

«В Нашем Времени нет места Индивидам. Мы все желаем достигнуть идеала, а они, опасные для нашего мира, не должны помешать нам в исполнении нашей мечты. Для этого правительство искоренило случаи рождения Индивидов. (Абзац из учебника философии для 10-ого класса)»

Ученый Нового Времени, через лет 30 после Вашего, составил гипотезу о достижении идеала вдвойне, силами разных людей. Она включает в себя разделение человека и внедрение каждой части в разные идеалы. Это кажется странным, но, когда с самого начала живешь в таком мире, понимаешь больше, чем может понять твой мозг. Объяснение новому изобретению никто еще не нашел. Им просто пользуются.

На самом деле, все не так сложно. Когда девушка беременеет, в возрасте 5 месяцев ее плода, она проходит процедуру. В нее вводят препарат, который разделяет плод на 2 равные части, и рождаются близнецы. Два совершенно одинаковых ребенка.

У них одинаковые черты лица, одинаковый цвет волос, одинаковый характер, одинаковый голос. Они не отличаются друг от друга.

Сразу же после рождения их отправляют в разные зоны. Зоны «интеллектуальные возможности» и «физические возможности», в сокращении просто зона «Интеллект» и зона «Сила». Там каждый живет в приемной семье и обучается по правилам, предоставленным именно этой зоне.

Например, я живу в зоне «Интеллект». Мы должны изучать обыкновенные уроки, но более напирать на них, чем зона «Сила». Мы изучаем религию, этику, философию и прочее. Мы должны развивать свои духовные качества, читать развивающие книги, развивать свою речь: у нас есть ораторские способности. Для нас интеллект превыше всего.

Зона «Сила» изучает физическую силу, труд, рукоделие. Они еще изучают разные виды спорта, чтобы поддерживать свое тело в форме. Они имеют значительную роль для Соединенного. После процедуры он чувствует себя плохо, ему сложно двигаться или делать что-то, но чем больше Близнец из зоны «Сила» посвятил себя своему предназначению и чем больше он развит, тем легче ему с его частью будет восстановиться.

Вкратце, они выполняют физическую работу, мы интеллектуальную.

В возрасте 18 лет оба проходят «Соединение». Каждый из Близнецов выучил должное из своей зоны, максимально сильно развил нужные ему навыки, после чего достигнутое двумя людьми соединяется в одном человеке, и так мы достигаем идеала.

Я очень жду того, чтобы это произошло. Я полностью согласна, что человек должен достигать высшего, одному тебе не по силам уметь все. Но если тебе помогут так, что до 18 лет ты сможешь в два раза больше, чем можешь своими силами, то все возможно.

Меня радует мысль, что после процедуры Соединения я смогу сделать то, что не могла раньше. Я смогу вкусно готовить, я смогу изобрести что-то своими руками, я смогу заняться каким то спортом. Мы это в своей зоне не развиваем.

Но для обоих из зон одна цель: знания и развитие – превыше всего.

Соединение проходят только в 18, потому что:

«В возрасте 18 лет каждый потенциальный Индивид обязан пройти Соединение. Если этого не произойдет в этом возрасте, позже станет опасно соединять близнецов, так как они

полностью достигнут морального и физического созревания. Мы рискуем жизнью, оставляя таких особей, поэтому близнец, не прошедший соединение, автоматически считается Индивидом и отправляется на утилизацию. (Из учебника по социальным знаниям для 12-ого класса).

И очень скоро произойдет мое Соединение. Мне немного страшно, ведь никто не знает, как происходит это, а все прошедшие процедуру соединения ничего из прошлого не помнят.

Это очень сложная операция, и во время этого в мозгу у каждого близнеца настраивают что-то, как в компьютере. Что они там делают, нам это тоже неизвестно.

После процедуры Соединенные должны отправиться в другую зону, зону «Восстановление». Там Они вспомнят большую часть своей жизни. Единственное, что они не вспомнят, так это признаки Индивидов, какие-то незначительные мелочи, процедуру Соединения. Они восстановят свои способности, потому что:

«После процедуры Соединения близнецы в одной плоти забывают, кем они были и зачем они здесь, но в зоне „Восстановление“ они проходят курсы, которые помогут вспомнить им о их навыках и вернуть свои способности, но деля свое тело со своим братом или сестрой. (Из учебника по социальным знаниям 10-ого класса)»

После соединения человек не поймет, что в его теле присутствует кто-то еще. Он будет знать, что это так, но не будет ощущать. У него сами собой появятся физические способности, если он из зоны «интеллект», и интеллектуальные способности, если он из зоны «Сила». Также у него появятся мысли о том, о чем он не думал, но думал его близнец, другая точка зрения и взгляд на какое то событие или предмет.

Конечно, мне немного страшно, что моя сестра-близнец будет со мной делить тело. Она узнает о моих страхах, о моих мыслях. Я сама по себе скрытный человек, и меня не радует перспектива, что я буду, как на ладони. То, что было моим, станет и ее.

Это меня пугает, потому что я не привыкла делиться чем-то личным, но это единственное, чего я боюсь. Но, одновременно, я очень хочу, чтобы меня соединили с ней. Дело даже не в моем соединении. А в том, что я жажду развития своего мира. Я хочу, чтобы люди развивались больше, чтобы они успевали за жизнь больше, чем могут сами.

Совсем скоро я стану такой же, как и все соединенные. Через два месяца мне исполнится восемнадцать.

Глава 2

Я просыпаюсь рано утром. Нам запрещено просыпаться поздно, как и близнецам из зоны «Сила», так как за эти 18 лет, что мы учимся, мы должны посвящать себя своему долгу. Мы должны развиваться каждый день.

Вообще, день каждого Близнеца из моей зоны проходит примерно одинаково. В 6 утра мы просыпаемся, идем на учебу, в 3 она заканчивается, приезжаем домой, обедаем, делаем домашние задания и снова учимся дома по какому-нибудь курсу. Читаем книги, молимся, учим кого-то другого.

«Каждый близнец должен посвятить свою жизнь без второй его части учебе. Он должен развиваться, чтобы больше принести своему будущему в существовании со вторым близнецом. Каждый должен достигнуть половины идеала, чтобы при Соединении получить свой идеал. (Отрывок речи президента Бэнджамена Андерсона)»

После восстановления человек сам решает, что ему выбрать. Он может выбрать жизнь в зоне «Сила», жизнь в зоне «Интеллект» или же в остальных городах, в котором не идет определенного распределения.

В обеих зонах ты можешь стать приемным родителем и воспитать Близнеца по правилам своей зоны, но ты не можешь добиться большой должности или звания. Если у тебя достаточно баллов при сдаче экзаменов восстановления, ты можешь поступить в университет в остальных городах, в которых живут Соединенные, и выбрать более престижную профессию.

Если у тебя при сдаче экзаменов результаты ниже остальных, то ты исключаяешься из граждан штата, и тебя отправляют за его пределы. Это первый критерий отчисления. Дальше отчисляются те, у кого результаты ниже 40%.

Если у тебя результаты немного выше 40%, но ниже тех, у кого хорошие результаты, то ты должен отправиться в одну из зон, населенных Близнецами.

Что за пределами штата, я не знаю. Никто не знает. Туда отправляют, потому что:

«Теория Разделения человека на части и изгнание слабейших помогло нам избежать проблему перенаселения и недостатка ресурсов. В круги Соединенных вступают только те, кто нужен этой планете, и добиться этого непросто. Нашему миру нужны полезные люди, добившиеся идеала, и изгнание позволяет добиться большего без такого груза, как они. А так же при ликвидации Индивидов мы исключаем возможность правления нашим местом жительства примитивным, узкомыслящим человеком. (Отрывок из речи Бенджамена Андерсона до назначения президентом)»

Тетя Элоди и дядя Шон уже сидели за столом. У них работа начиналась чуть раньше моей учебы, поэтому им приходилось вставать еще раньше, чем мне, и я начинала завтракать, когда они уже заканчивали.

Мои приемные родители не выглядели старыми: мы у них – первое поколение. Шон был предназначен Элоди, но, я думаю, помимо этого, они испытывают симпатию друг к другу. Может, какую-то привязанность. Такое понятие, как любовь, у нас не встречается.

У тети Элоди были плохие результаты на экзмне, и ей предстояло отправиться в одну из зон. У Шона было наоборот, и он мог добиться большего, но ему пришлось отправиться сюда за Элоди.

Они работают сейчас в магазине, Элоди продавщица, а Шон какой-то управляющий. Получают они немного, но в Новом Времени деньги не играют большую роль. Каждый стремиться к знаниям и совершенствованию.

Вместе со мной спустились Лолита и Шейн. Я улыбаюсь их появлению, потому что своей красотой они могут разогнать плохое настроение.

У Шейна густые брови, темные, завивающиеся волосы и пронзительные глаза. Он худощав, но высок и широкоплеч, но это нисколько не портит его. Он одноклассник со мной. Лолита со светлыми волосами до плеч, голубыми глазами, сильно изогнутыми тонкими бровями и кроличьими зубами. Ей 16, и процедуру соединения ей предстоит пережить только через 2 года.

С Шейном у нас хорошие отношения. Мы доверяем друг другу в пределах разумного и относимся, как кровные брат с сестрой, с Лолитой же у нас сложнее. Мы делаем вид, что не замечаем друг друга. У нас, как мне кажется, довольно разные характеры, с ней я чувствую себя неуютно.

Завтра воскресенье, а воскресенье – единственный день, когда нам положено отдыхать. Но завтрашний день особенный, меня ждет встреча со своим Близнецом. Я ее еще ни разу не видела. Близнецам запрещается видеть друг друга до 17 лет и 10 месяцев. Правительство думает, что это может повредить одной из частей психику, и она не захочет соединиться с кем-то другим, испытав потрясение от близкого знакомства с тем, кто будет делить с тобой тело и разум.

Пока не запретили встречаться со своим Близнецом, очень многие пытались бежать или отказывались от процедуры Соединения. Они больше узнавали свою копию и боялись, что близнец заберет власть над тем, кем они станут вместе.

Но сейчас встречи запретили, и такие случаи стали очень редки, ведь с ним разрешалось встречаться только один раз в жизни, чисто из солидарности со стороны правительства, увидеть, с кем ты будешь сосуществовать.

На самом деле людям нечего бояться. После соединения они не будут чувствовать близнеца, как и он Вас. Вы станете единым целым, и будете жить, как один человек.

Сегодня мне надо основательно подготовиться. На встрече тебя обязуют предстоять с самой лучшей стороны, ты должен красиво и ухоженно выглядеть, у тебя должна быть отрепетирована речь.

Если быть точным, Близнец проходит Соединение после окончания 12 класса. Как раз к этому времени каждому исполняется 18. Но бывает такое, что к окончанию 12 класса ему еще не исполняется 18, поэтому он должен ждать еще год и со следующими выпускниками проходить процедуру.

Такой стала и моя подруга Ким. Ей сейчас только 17, и процедуру Соединения ей придется пройти только в следующем году.

Мы учимся в одном классе и, когда есть свободное время, гуляем по городу. Сначала ей это не очень нравилось, но я ее очень часто просила погулять со мной, поэтому она привыкла.

Я, как и полагается близнецу из зоны «Интеллект», люблю познавать новое. Например, погулять за пределами зоны. По крайней мере, я надеюсь, это стоящее оправдание, почему я всегда лезу туда, куда не надо.

Я волнуюсь перед встречей с сестрой. Она может оказаться не такой, как я. Хотя это исключено, ведь мы единое целое. Мы совершенная копия друг друга, и при Соединении мы не будем даже отличаться в мнениях.

Поскольку Ким еще год до процедуры, она не боится. Вообще-то, она смелая. Ее папа заведующий города, сама она умная и очень красивая.

Меня окружают люди, которые лучше меня. Я не считаю себя даже симпатичной, да и с учебой у меня идет не так хорошо, как у других. Мне страшно, что я не пройду экзамены. Я чувствую себя неполноценной без своего Близнеца. Я хочу, чтобы нас скорее соединили, и я была бы нормальным человеком, а не какой-то маленькой частью его, тем более не идеальной.

– Привет, – говорит Ким.

Такое простое «привет». Ни ласковых, вычурных слов, ни громких фраз. Она такая простая, и мне она нравится. Она открытая и честная.

– Тебе не подходит эта юбка, – ну вот, я же говорила.

Я в ответ просто смеюсь и приобнимаю ее за плечи. В Новом Времени не принято показывать чрезмерную привязанность.

«Отвлечение и привязанность к какому-то человеку мешает развиваться Близнецу, поэтому законодательная власть издала закон о ограничении его в общении. Закон принят Стивеном Роберти в 2XXX году. (из книги истории Близнецов Николая Жанэт)»

«Закон 1XXX, статья 18X

Близнец имеет право общаться с себе подобными только 10 часов в неделю, исключая нахождение в учебном заведении, так как чрезмерное общение может снизить активность развития. (Пункт из правил поведения Близнецов)»

Когда мы заходим в школу, звенит звонок, и все спешат на уроки. Каждого видно через стекло, кто куда спешит и кто с кем идет. Школа у нас из стекла. Внешние стены, пол, тот же потолок. Стены в классах тоже из стекла. Правительство Нового Времени считает, что мы должны видеть каждого и мотивироваться таким способом. Как по мне, не самый удачный выбор, потому что для того, чтобы не портить интерьер, туалеты сделали в подвальном помещении, а туда заходить страшно. Я боюсь мрака и темноты.

За этим следует другая боязнь. Мы должны избавляться от страхов еще в раннем детстве, так как он препятствует развитию так же, как и чрезмерное общение.

Каждый Близнец уже давно избавился от страха. Но не я. Ты не повлиял на это – ты будешь наказан. Если об этом узнают, мне будет очень-очень плохо. А при Соединении с сестрой это станет известно всем.

Я вряд ли пройду экзамен. То, что у меня есть страхи, что я слишком любопытна, что у меня развиты физические способности, свидетельствует об этом.

Да, то, что я довольно крепкая и способна на многое, я заметила в себе еще лет в 10, когда я опоздала на автобус и пришлось идти домой по темноте. Я проходила мимо какого-то заброшенного района, и мне попались люди, которые, кажется, пришли из-за пределов штатов. Они начали мне что-то говорить. Возможно, ничего устрашающего, но я испугалась и побежала от них.

У Близнецов из зоны «Интеллект» нет способностей к физической активности, они медленно бегают, не могут поднять вес больше веса своей руки, у них слабая выносливость. У меня все наоборот. Я бежала очень быстро, что не входит в рамки возможностей «интеллектуалов».

Через стеклянную стену я увидела Элиота. Ким называет его «эдиот», что можно объяснить, как «идиот». На самом деле он такой и есть.

У него повышенная самооценка, и он придирается ко всем, к кому не лень. Он родной сын какого-то значительного человека из правительства штатов. На самом деле, Близнецам нельзя знать, кто их настоящие родители до восстановления. Но то, что его мать была им беременна, возбудило воображение прессы, и об этом узнали. Поэтому к нему и не лезут, хотя это очень серьезно наказуемо.

С того момента, уже как 17 лет, и нет статей о ком-либо и вмешательстве в чью-либо личную жизнь:

«закон 3XXX, статья 98X

Запрещаются какие либо интервью, статьи о любом лице, зачисленном в гражданина штата, так как вмешательство в личную жизнь Соединенного может нарушить его мотивацию к чему либо, что приведет к заторможенному развитию. (Пункт из правил поведения Соединенного)»

Еще он очень красив. Людям с кривой душой всегда достается красивая внешность.

Я замечаю, что он смотрит на меня. В основном он смотрит на меня для того, чтобы найти новый изъян во мне. Это его любимое занятие, находить в других изъяны. Но сейчас он хмурится, он ведь тоже боится встречи со своим близнецом. Даже у самых бесстрашных людей в какие-то моменты есть свои страхи. (Хотя, их не должно быть совсем)

Но было бы неправильным сказать, что он боится. Нас же учат избавляться от страхов. Правильнее сказать, волнуется. Как и все в школе. Проходя несколько этажей, я через все стекла вижу каждого учащегося и у каждого такое лицо, будто завтра уже процедура Соединения. Все они спешат на уроки с задумчивым видом, те, у кого уроки начинаются позже, просто стоят со стеклянным взглядом, думая о чем-то, кто-то учит речь и вопросы, дозволенные задавать на встрече со своим Близнецом. Все, даже если нет, чем заняться, заняты чем-то.

«У Близнеца все время должно быть дело. Он не должен сидеть, сложа руки, ведь в это время можно заняться саморазвитием. Мы должны развиваться, и чем больше мы сможем это сделать, тем быстрее мы достигнем идеала. (Из учебника социальных знаний 11-ого класса. Цитата взята из правил поведения Близнецов).»

На уроке я практически не слушаю учителя, что для меня необычно. Учитывая мою малую склонность к заучиванию, я всегда должна внимательно слушать на уроках, но сейчас, как и все выпускники в школе, я рассеяна.

– Все хорошо? – спрашивает Ким. Она знает, что нет, но все равно спрашивает. Тихо, чтобы никто не услышал и не подумал о ее особом отношении ко мне.

– Нет, – честно отвечаю я.

У нее процедура и встреча не скоро, ей не о чем беспокоиться. Даже если бы ей было бы скоро 18, она не волновалась бы. Она всегда уверена в себе. Это тоже пункт из правил поведения Близнецов. Надо быть всегда уверенным в себе. Ведь именно этого мы добиваемся, пытаюсь достичь идеала. Ты ничего не добьешься, если ты не уверен в себе.

По средам у меня курсы по моральной самообороне, или, вкратце, меня учат, как быть в себе уверенной. Но у меня не получается. Это еще один минус, почему я не сдам экзамены. Я не знаю, что там будет. Но если нас этому учат, значит – будет.

Надо готовиться ко всему. Даже самая незначительная мелочь может завалить тебя. И ты изгнанник, Иной, ты живешь за пределами штата. Как я уже рассказывала, тех, кто завалит экзамен, выгонят.

Когда уроки кончаются, мы договариваемся с Ким, что встретимся завтра у Врат. «Врата», это место, где мы встречаемся со своими близнецами. Это обычная постройка из зданий, но названа она в честь того, что это начало. Врата в новую жизнь, начинающиеся со знакомством со своей второй частью.

Близнецы все 18 лет должны жить с приемными родителями. Этот закон установили практически сразу, когда ввели обязательное Соединение. Правительство считало, что опасно оставлять двух совершенно одинаковых детей у своей матери, ведь это может привести к психическим расстройствам и нарушит активность развития Близнецов.

Практически после первого эксперимента, когда еще дети оставались у матери, был случай, когда мать потеряла рассудок и посчитала нужным убить близнецов, потому что думала, что это больше не ее дети.

«Молодая Ханна Лос-Дарси обезумела через 2 года после рождения Эдана и Эрвина. За ней и раньше замечалось отвращение к своим детям, но в ночь с 29 по 30 июля 2XXX года она попыталась удушить Близнецов. К счастью, ее муж, Жан Лос-Дарси услышал шум и вовремя остановил Ханну.

На данный момент местонахождение Ханны, ее мужа и Эрвина неизвестно. Эдан получил серьезную психологическую травму и был отправлен в Детский дом для детей со слабыми умственными способностями Святой Марии. (Данные из журнала «Жизнь НВ»)

Глава 3

Я и Элоди сидим в моей комнате. Я на стуле перед зеркалом, она за мной. У нее в руках бледно-розовая щетка, она расчесывает мне волосы.

Чаще всего у Близнецов короткие волосы, потому что после процедуры Соединения они начинают выпадать, потому, как происходит какое-то нарушение в тканях, но только у половины из прошедших, поэтому будет лучше, если они не будут отращивать волосы, чтобы потом не жалеть.

Но у меня волосы длинные, ниже лопаток. Это моя гордость. Пусть я потеряю их после соединения, но лучше иметь что-то недолго, чем совсем не иметь. Рисковать стоит.

Я рада, что в такие моменты мы с тетей особенно близки. Близость не поощряется, но я не знаю, что бы я делала без этого. Мы не говорим практически, мы молчим. Но я чувствую гордость Элоди, ее поддержку, любовь.

– Боишься?

– Да, – отвечаю я ей честно. Я могу ей доверять.

– Не бойся. Все это прошли, и я проходила. Чувствуй себя уверенно, иначе Наблюдающий увидит в тебе страх, и тебя могут не допустить к экзаменам.

«Мотивирует». После этих слов мне становится еще страшнее.

– Давай повторим твою речь и вопросы.

Мы повторяем их каждый вечер уже как 2 месяца, я наизусть выучила каждое слово речи и какие вопросы допустимы или недопустимы.

– Что тебе нельзя задавать и почему?

– Вопросы, касающиеся процедуры Соединения. Это может вспугнуть ее или вызвать волнение в страхе, если оно присутствовало.

– Еще.

– Нельзя спрашивать, что она знает о процедуре Соединения и Восстановлении, так как техника этого содержится в секрете, и Наблюдающий может подумать, что Близнец слишком интересуется этим.

– Почему Близнецу нельзя интересоваться этим?

Этот вопрос не относится к недопустимому, тетя просто проверяет мои знания.

– Чрезмерное любопытство может привести к заторможенному развитию.

Так всегда. Все правила по поведению содержат практически всегда одно объяснение: «такое-то действие вызывает заторможенное развитие». Слишком много есть нельзя, тяжесть в животе может привести к заторможенному развитию. Смотреть телевизор нельзя, препятствует развитию. Слишком много гулять нельзя, препятствует развитию. Жить нельзя, препятствует развитию.

Элоди молчит, и я понимаю, что этого недостаточно.

– Вопросы надо задавать понятно, без намеков и подтекстов, Наблюдающий может подумать, что Близнецы о чем-то договариваются или навязывают плохое мнение о правительстве.

При встрече с Близнецом очень многого нельзя. Когда он задает вопросы, ты не должна:

1. Говорить плохо о правительстве.
2. Быть против процедуры Соединения.
3. Оскорблять Близнеца.
4. Отвечать вопросом на вопрос.
5. Вести себя неподобающе или неприлично.
6. Переспрашивать.

И много чего другого...

Потом я ей рассказываю речь. После встречей с Близнецом каждый должен выступить перед Близнецами из своей зоны и правительством. Они так зарабатывают пункты к экзамену, показывая свои способности к ораторству, бесстрашию перед публикой и красноречию.

Мы, Близнецы из зоны «Интеллект», помимо этого выступаем перед одной частью правительства и Заведующим нашей зоной, а Близнецы из зоны «Сила» перед другой частью и Заведующим их зоной. Мы выступаем отдельно, так как мы восхваляем каждый свои способности, ко всему прочему и процедуру Разделения и Соединения.

Потом я встаю со стула, и тетя Элоди поправляет мне платье. Оно светло-синее. Цвет зоны «Интеллект». Оно с недлинными рукавами, приталенное, к низу широкое. Прикрывает колени, так как правительство считает, что Близнец не должен слишком открывать свое тело и должен быть скромн. Распушенность не признак ума.

– Ты очень хорошо выглядишь, – говорит дядя Шон, когда заходит в комнату. Он пытается меня поддержать, ведь тоже волнуется, как я сдам экзамены.

Приемные родители не должны сильно привязываться к воспитанникам, ведь за всю жизнь они должны воспитать около 3 поколений. Если к каждому будешь привязываться, то это не приведет ни к чему хорошему.

Я еще раз пробегаюсь глазами по тексту перед зеркалом, и мы выходим из дома.

В обеих зонах города совсем простые. Одинаковые двухэтажные дома, редкие растения, только аккуратные садики перед домом. В нашей зоне люди не занимаются физическим трудом, они все время должны развиваться интеллектуально. У них нет огородов, нет каких-то клумб. У немногих есть такое, и за ними ухаживают те, у кого был совсем низкий бал на экзамене, и его отправили сюда для выполнения тяжелого труда.

За каждым Близнецом приезжает машина и отвозит его к Вратам. Врата находятся на пересечении обеих зон.

Сегодня со мной Шейн. Он тоже в 12 классе и сегодня встречается со своим Близнецом. Он совсем не волнуется. Он уверен в себе, как и подобает истинному Близнецу. Я завидую его бесстрашию.

Завидовать Близнецам тоже запрещено. Правительство считает, что если есть зависть, ты недоволен собой. Тебе нельзя быть недовольным, ты должен делать себя лучше и добиваться идеала.

Я, Элоди и Шейн садимся на заднее сиденье, а Шон с водителем на переднее. Мы все молчим. Сказать нечего, а слова ободрения были сказаны уже утром.

Дядя Шон рассматривает машину. В зонах практически у всех нет машин. У людей нет таких больших денег. Горючее стоит очень дорого, так как подходит к концу его природное количество. Транспорт на восстанавливаемом горючем стоит бешеных денег.

Я думаю о сестре. Она хотя бы чем-то отличается от меня? Взглядом? Может, у нее другой оттенок волос за счет того, что она чаще находится на улице, чтобы поухаживать за огородом, например, и они выгорают?

Как она меня встретит? Понравлюсь ли я ей? А она мне? Я почувствую, что мы совершенно одинаковые, или найду различия?

Беру Шейна за руку. Он молчаливо поддерживает меня, как и всегда. Я люблю его, как брата. Он хороший человек.

Когда мы подъезжаем к Вратам, остается пол часа до начала встречи. Ким меня уже ждет. Шейн остается с Элоди и Шоном, а я иду к ней. У нее еще нет встречи с близнецом, она просто хочет меня поддержать, но для того, чтобы кто-либо не заподозрил в привязанности, она делает вид, что повторяет речь.

Когда она видит меня, то медленно идет мне навстречу. Здесь находятся охранники, поэтому она опасается, что могут подумать, если она пойдет слишком быстро или обнимет меня. Она просто кивает мне, и я киваю в ответ.

– Готова к встрече?

Она имеет ввиду то, готова ли я к Новой жизни, и я хочу сказать, что не готова, но говорю «да», чтобы не казаться совсем запуганной перед ней. Не хочу, чтобы она меня жалела или поддерживала. Пусть я буду храброй в ее глазах. Вероятнее всего, после содинения мы не встретимся.

После процедуры все зависит от твоих результатов на экзамене, как я упоминала. Если ты получаешь хороший результат, на что я очень рассчитываю, и отправляешься в «смешанную зону», то перед тобой большие просторы. Ты можешь уехать в любой город, и у тебя будет столько возможностей.

«Смешанная зона» – это несколько городов, в которых живут Соединенные. Там они находят работу, образуют семью с предназначенным партнером, и посвящают свою жизнь развитию и достижению большего, чем они могут.

Это еще одна причина, почему Близнецы воспитываются не с родными родителями. С появлением детей у них не будет времени на саморазвитие. Поэтому их берут в семью те, у кого меньше возможностей развиться, то есть те, кто живут в зонах.

Речь длится 2 с половиной минуты, и я успеваю рассказать ее Ким почти 5 раз, прежде чем Близнецов вызывают в построения. Элоди и Шон желают мне удачи, Ким меня прерывисто, почти незаметно обнимает, и я иду рядом с Шейном к месту.

– У тебя все получится, – говорит он и я радуюсь, что Лолита не ехала вместе с нами.

Рядом с ней мне некомфортно. Такое ощущение, что она знает о моих странностях и может в любой момент выдать меня. Она всегда смотрит на меня так, будто мы не сводные братья и сестры, а Близнец и Иной.

«Иной» – это Индивид, которого отправляют за пределы штата. По правилам, у Близнеца должно быть отвращение к нему, так как это пример того, кем не должен стать Близнец.

Я рада, что мне осталось всего два месяца до Соединения. После него у меня не будет этих «странностей», и мне ничего не будет угрожать. Я искренне не хочу стать такой, как Индивиды.

За пределами штата практически никто не выживает. После войны с несогласными насчет Разделения и Соединения там нет плодородных земель... Там вообще ничего нет. Там все разрушено. Ничего не осталось.

Когда я захожу в постройки, я вижу длинный светлый коридор, по краям которого много дверей. Моя дверь под номером «1972» и я направляюсь туда. Я захожу и попадаю в маленькую комнату, где находится какой-то человек и еще одна дверь.

– Вашего Близнеца зовут Молли, – говорит он и открывает мне дверь.

Молли Харриган. Она моя часть. Она моя сестра. Она мой Близнец.

Когда я захожу, от ослепительного света я сначала практически ничего не вижу.

– Присаживайтесь, – говорит Наблюдающий, который находится в другой комнате с большим окном и смотрит за нами.

Прямо передо мной стол и два стула по разные стороны. На одном из них сидит девушка. У нее прямые, светло-русые волосы, темные брови, серо-голубые глаза и слишком прямой нос. На щеке почти незаметная ямочка, но кто знает о ней, сразу увидит ее. Я вижу перед собой себя.

Это я.

Мы совершенно одинаковые. Я сначала в большом шоке, ведь не думала, что мы будем настолько похожи. Но понимаю, что удивление на Встрече с Близнецом признак неуважения, поэтому делаю серьезное лицо и сажусь напротив.

– Здравствуй, Молли, – здороваюсь я.

– Здравствуй, Сьюзен.

– У вас есть 15 минут на Встречу, – слышу я. Говорит Наблюдающий, и я киваю в ответ.

Поскольку Молли пришла сюда раньше, ей дается право первой говорить со мной, задавать вопросы, ее интересующие. Мы не знакомимся, так как мы одинаковые, и это не стоит времени, предоставленном нам.

– Сьюзен, у тебя есть братья или сестры?

– Да, – и я ей рассказываю про Шейна и Лолиту.

Потом она задает несколько вопросов, так, чтобы успеть к концу ее времени. Они совершенно обычные, как будто мы простые люди, которые узнают друг друга, а не Близнецы, которм в скором времени предстоит Соединение. Наблюдающий что-то записывает у себя в тетради.

– Расскажи про свою зону, – прошу я, когда наступает моя очередь. Мне интересно, что происходит в ее жизни, ведь это станет и моей жизнью.

– Мы изучаем все, что связано с физической силой, – начинает она, – В школе у нас больше изучается труд и спорт. Мы должны бегать по утрам, и у нас должны быть огороды. В свободное время мы должны что-то изобретать или делать своими руками. В семье у нас готовят Близнецы, мы должны обучать кулинарию, убираем тоже мы.

Через 2 месяца это станет моим. Я тоже буду уметь готовить, делать что-то своими руками. Я поверить не могу, что я буду уметь так много, не учась этому.

– Как легко тебе дается учеба?

– Не сложно. Я хочу сдать экзамен, и это меня мотивирует.

Видно, что Наблюдающему понравился этот ответ. И видно, что ответ Молли сказала не от души. Для того, чтобы выглядеть выгодно со стороны и чтобы было меньше шансов завалить экзамен.

Она протягивает мне руку, и я делаю тоже самое. Когда мои пальцы касаются ее руки, то меня будто бьет током. По тому, как дернулась она, я понимаю, что ее тоже. Ее рука отскакивает от моей. Я вижу, что Наблюдающий не понял, что происходит, и записывает это у себя в тетради.

– С тобой что-то не так, – говорит Молли, но я не понимаю, что она имеет ввиду.

Нам остается еще 5 минут, но я вижу, как Наблюдающий подносит микрофон к губам, и как они двигаются. Чуть позже слышу, что он говорит.

– Ваше время кончилось. Прошу выйти из кабинета, – я слушаю его и встаю.

Теперь мы знаем, с кем будем делить свое существование. Близнецов это не должно пугать, но меня пугает. Мне страшно. Я понимаю, что боятся нечего, но это происходит инстинктивно.

– До встречи, Сьюзен.

– Пока, Молли.

Она смотрит на меня, когда я встаю. Наблюдающий тоже смотрит, и мне не нравится этот взгляд.

Молли выйдет через другую дверь, когда я уйду, ведь мы не должны больше встречаться. Я кивком прощаюсь с Наблюдающим, и, уходя через первую комнату, с человеком, который стоял там.

Это прошло так быстро, и это было так необычно, что, выходя на улицу, мне становится плохо, и меня подхватывают под руки приемные родители. Но мне дают воду, и я чувствую себя чуть легче. Мне надо пережить еще выступление с речью перед правительством и Близнецами.

Мы направляемся к самому большому зданию у Врат и садимся на скамейки. До выступления еще чуть меньше часа и нам дают время, чтобы отдохнуть после Встречи. Несколько людей в закрытых и мрачных костюмах разносят еду и напитки.

Оставшееся время я разговариваю с Шейном. Нам нежелательно делиться своими впечатлениями после встречи с Близнецами, поэтому мы обсуждаем свои речи и повторяем их. У Шейна речь лучше, чем у меня, и он более уверен в себе, поэтому его слушать очень приятно. Когда наступает время, чтобы заходить в здание, по громкоговорителю это объявляют, и мы встаем со своих мест.

Я иду рядом со своей семьей, потому что чувствую себя увереннее с ними, но Близнецам и их родителям надо садиться в разные части зала, поэтому мы при входе идем в разные стороны.

Близнецов вызывают по алфавиту, и у меня есть возможность послушать другие речи, чтобы быстро сделать заметки для себя, что лучше смотрится на сцене. Близнецов не комментируют сразу, только после экзаменов, поэтому ты не узнаешь, как хорошо ты выступил до них.

Когда наступает моя очередь, я не сразу понимаю, что вызывают меня. Я резко подскакиваю с места и чуть не падаю, но удерживаюсь на месте и иду к сцене. Я чувствую, как на меня все смотрят, и мои щеки начинают пылать. Я очень надеюсь, что это незаметно и подавляю желание прикрыть их. А лучше спрятаться самой.

– Мое имя Сюзен Харриган, – я откашливаюсь.

Я боюсь начинать, но я понимаю, что если не начну, то я не сдам экзамены. А если начну, то я могу все забыть, начать волноваться и заикаться.

– Соединение, Близнецы. Эти слова и процедура известны нам уже многие годы и только с хорошей стороны. Она нам приносит результат, благодаря ему мы достигаем идеала. Благодаря ему мы успеваем выучить все, что не способен выучить простой человек...

Когда я заканчиваю речь, вздыхаю с облегчением. Я запнулась только один раз, но сразу перешла на другое предложение и те, кто не знал мой текст, не заметили изменения. Элоди одобряюще смотрит на меня, и я иду на свое место.

Дальше выступает Шейн, но я не слушаю его. Я слышала его речь многие разы, и сейчас у меня нет сил слушать еще раз. Потом выступают оставшиеся, но их я тоже не слушаю. Я просто сижу и вспоминаю встречу с Молли. Своим Близнецом.

Когда мы выходим на улицу, мне опять становится плохо, но до дома мы доезжаем без происшествий. Дома я сразу ложусь спать, хотя стоило бы поучиться еще, но у меня просто нет сил.

На следующий день я просыпаюсь на час позже, чем надо. Всем Близнецам после Встречи даются 3 дня выходных, чтобы свыкнуться с мыслью о Соединении, и, наверное, тетя Элоди решила меня не будить, чтобы мне не стало хуже.

Я спала практически сутки и чувствую, что голова у меня, как камень, но все равно присутствует какая-то слабость. Приходит тетя Элоди со стаканом воды и таблеткой.

Я киваю в знак приветствия, говорить мне сложно из-за того, что пересохло горло. Залпом выпиваю воду. Тетя спрашивает, как я себя чувствую, и я говорю ей, что хорошо. Она забирает стакан и уходит.

Хочется есть и приходится вставать, чтобы идти на кухню. Ноги держат, но голова немного кружится, и я придерживаюсь за стенку, чтобы не упасть. Проходя мимо комнаты Шейна я вижу, что он еще спит. Это не поощряется, но такое случается редко. Комната Лолиты на первом этаже, и я не могу узнать, что она делает.

Когда спускаюсь на кухню, утро у Элоди и Шона только начинается. Элоди стоит у плиты и готовит, Шон сидит за столом и читает.

Если приемные родители живут в зоне «Интеллект», то они свою жизнь должны посвящать интеллектуальному развитию в пример Близнецам, а приемные родители из зоны «Сила» физическому. Правительство считает, что так у Близнеца не будет соблазна отвлекаться на другие способности, и он сможет полностью освоить свою программу.

За столом мы не разговариваем. Каждый думает об одном. О том, что сейчас для нас с Шейном началась Новая жизнь, и мы перешли грань, теперь мы на шаг ближе к Соединению. Когда я встаю и благодарю за завтрак, Элоди не реагирует. Она погружена в свои мысли. Я поднимаюсь в свою комнату и запираю дверь. Я не хочу, чтобы мне мешали учиться. Сейчас это самое важное.

Перед Соединением и после Восстановления ты сдаешь экзамены. Первый экзамен основывается на твоих умениях из твоей зоны. Второй уже общий. Если ты не сдаешь экзамен перед Соединением, ты все равно проходишь дальше и можешь сдать экзамен после Восстановления. Правительство считает, что у Близнеца может произойти деформация восприятия информации во время разделения, поэтому ему сложнее сдать первый экзамен, когда у него отсутствует вторая его часть. Если ты не сдаешь экзамен после Восстановления, известно, что будет дальше.

Я долго повторяю то, что выучила за 12 лет, пока в комнату не стучатся. Бросаю взгляд на часы и про себя замечаю, что учу уже 4 часа.

– Сюзи, тебе стоит отдохнуть, – говорит Элоди. Она права. При перенапряжении информация плохо воспринимается, а мне за 3 дня надо все повторить.

Экзамены начнутся в четверг. Мы не знаем, на какую тему они будут и с чем связаны. С математикой, родным языком или чем-то другим:

«Закон 1X, статья 17XX

Близнец всегда должен быть готов ко всему, он должен знать все предметы в любое время, потому что он так учится мыслить шире, и это поможет ему достигнуть идеала. (Пункт из правил поведения Близнеца)»

Я откладываю учебник и спускаюсь с Элоди в гостиную. Там сидят Шон, Шейн и Лолита. Элоди садится вместе с Шоном на рядом стоящие кресла, я сажусь к Шейну и Лолите на диван.

Мои приемные родители-доказательство, что правительство правильно выбирает партнера при рождении. Шон был предназначен Элоди, и они вместе до сих пор. Во время того, как они были Близнецами, часть тети из зоны «Интеллект» была против Шона, но при Соединении это пропало, и они с этого времени вместе. Насчет моего партнера правительство ошиблось. Я надеюсь, что у Молли с ним отношения лучше, и, когда мы соединимся, у нас появятся какие-то чувства.

Тетя Элоди разрешает мне воспользоваться телефоном и позвонить Ким, поэтому я ухожу на кухню и сажусь за стол. После 7 гудков я собираюсь сбрасывать, но трубку поднимает ее приемная мать.

– Дом 27, Широкий проспект. Авалина у телефона, – слышу я на том конце провода.

– Здравствуйте, тетя Лина. Могли бы вы позвать Ким к телефону?

– Здравствуй, Сьюзен. Она учится.

Я тяжело вздыхаю, но приемная мама Ким это слышит и соглашается. Я слышу, как Авалина закрывает трубку рукой и зовет ее. Через несколько секунд звук проясняется, и Ким здороваются. На заднем фоне тетя Лина предупреждает, чтобы мы говорили недолго.

– Ну как? – спрашивает Ким.

Я понижаю громкость голоса и рассказываю ей о том, как все прошло. Нам не позволено говорить об этом и я не хочу, чтобы Элоди слышала. Потом я замечаю, что в телефоне тихо что-то пищит и меняю тему. К нам присоединился третий человек и прослушивает нас. Может, это кто-то из семьи поднял трубку, но это мог оказаться и дежурный, отвечающий за дозволенность в разговоре.

Когда мы заканчиваем разговаривать, уже почти 4 часа, и мне надо идти учиться. Я прохожу мимо семьи и иду в комнату. Опять закрываю дверь и сажусь за учебники.

Люди в Старом Времени часто говорили, что хотят найти свою Вторую Половинку. Нас в школе учат, что это выражение больше не имеет такой смысл, какой был тогда. Раньше, если я правильно помню, люди так говорили, когда хотели найти своего партнера, в будущем с которым построят семью. Сейчас так говорят, когда собираются идти на встречу со своим Близнецом. Но и то говорят изредка.

В значении, котором употреблялись эти слова раньше, больше никто не использует. Когда рождаются близнецы, им, в соответствии с их результатами склонностей и по другим параметрам, выбирают партнера, или партнеров, если так правильней сказать. Во время того, как каждый из Близнецов живет в своей зоне, он должен налаживать отношения с партнером. Официально это необязательно, но если не хочешь показать дурной тон, ты должен поддерживать дружбу, и желательно использовать дозволенные 5 из 10 часов в неделю с ним. (Твой близнец в то же время с близнецом партнера)

После восстановления тест на совместимость проходит еще раз, чтобы не было ошибок. 99.8%, что останется партнер, который был предназначен при рождении, но бывают редкие случаи, когда Близнецы с партнерами несовместимы по какой-то причине, однако это замечают после.

Поэтому 40 лет назад установился закон, который гласит о том, что тест на совместимость Близнецы и их партнеры должны проходить не только после рождения, но и после восстановления.

Я думаю, так правильно, ведь были случаи, когда при рождении тест показывает, что они совместимы, но потом живут несчастливо. Развод у нас штате запрещен, поэтому ты живешь оставшуюся жизнь с человеком, который тебе не подходит. Правительство желает только блага гражданам, ведь оно научно выбирает партнера и большая вероятность, что брак будет счастливым.

На второй день, когда мы обедаем, Элоди сказала, что сегодня вечером к нам придет мой партнер. Она хочет, чтобы мы сблизились, и нам было бы легче относиться друг к другу лучше. Меня эта новость не радует, но отказаться я не имею права. Я просто молчу, и Элоди продолжает.

– Представь, что это встреча с твоей сестрой. С ним ты должна вести себя практически так же, как и с ней. Ты должна опрятно выглядеть, прилично себя вести за столом и в разговоре, – говорит она, и я киваю.

Когда мы заканчиваем есть, тетя отправляет меня наверх поучиться еще один час и начать собираться к встрече.

Через два часа я полностью собрана и стол накрыт. На мне то же платье, что было и на Встрече. Мы стоим у зеркала и Элоди смотрит, что еще можно поправить. Она сделала мне прическу и сейчас закалывает пряди, которые выбиваются из нее.

Когда мы спускаемся, в дверь звонят, и она говорит мне, чтобы я открыла дверь. Я соглашаюсь с ней, а она идет к столу, чтобы навести какие-то штрихи, если что-то не идеально. Я открываю дверь и здороваюсь.

– Привет, Сьюзен, – здороваются они в ответ. Я приглашаю их войти, и мы идем в гостиную, где тетя накрыла стол.

– Привет, Элиот. Здравствуйте, миссис и мистер Дэтчер, – здороваются тетя Элоди и дядя Шон с ними. Шейн и Лолита в своих комнатах, было принято решение, что они не должны присутствовать.

Элиот – мой партнер. Я не рада этому. Он мне совсем не нравится. У нас нет совсем сильного отвращения, но и нет симпатии. Я надеюсь, что во время тестов произошла какая-то

ошибка и его выбрали, как партнера, случайно. Но правительство никогда не ошибается. Мы действительно предназначены друг другу.

– Расскажи о себе, Элиот, – просит Элоди, когда мы садимся. По правую сторону от меня тетя, по левую он.

Сегодня он одет, как джентельмен. На нем серьезные черные брюки и белая рубашка. Волосы не взъерошены, как обычно, а уложены на правую сторону. Губы блестят, когда он каждый раз их облизывает. Мне противно на это смотреть, поэтому я смотрю в тарелку.

– Месяц назад мне исполнилось 18. В будущем, если я хорошо сдам экзамены, я планирую пойти в Военную Академию. Больше всего в школе мне даются точные науки.

Приемные родители у него высокие и с серьезными выражениями лица. Они смотрят на меня неотрывно, будто сдирают кожу. Я прячу от них глаза, но чувствую, что они продолжают смотреть на меня.

– Скажи, Элиот, что ты думаешь насчет процедуры Соединения? – спросила Элоди. Этот вопрос нежелателен в разговоре, но пока он официально разрешен.

– Я этого жду. Я рад, что я смогу соединиться со второй своей частью и получить способности вдвое больше моих. Я хочу чувствовать себя круче, сильнее, чтобы у меня было больше возможностей. Я знаю, что, когда меня соединят, я смогу стать тем, кем я хочу стать. Я рад, что пережил эти 18 лет. То, что нас разъединяют и контролируют, это правильно. Каждый должен быть под жестким надзором.

– Ты хочешь сказать, что это хорошо? – вдруг говорю я. Я не собиралась говорить это, но вдруг появилась решимость, – хорошо, что дети должны жить отдельно от своей матери? Жить по разным правилам и отдельно друг от друга? Хорошо, что они должны контролироваться и жить без детства?

Я не знаю, откуда у меня появилось такое мнение. Откуда такая точка зрения? До этого момента я хотела, чтобы быстрее произошла процедура. Чтобы я быстрее была одним целым со своей сестрой. Но сейчас... Это неправильно. Мы уже разные люди. Мы не должны делить тело с кем-то.

Я слышу, как миссис Дэтчер говорит мужу: «какая некультурная девочка», а он в ответ кивает.

– Да, это хорошо. По-другому никак, все будет, как немногим больше ста лет назад. Дети будут проводить свое детство и юность с друзьями, употреблять наркотики и заниматься сексом, а когда вырастут, будут жить с теми, кто им не подходит, и быть тем, кем он не должен быть.

Я понимаю, что он частично прав, но не полностью. Но и эту часть я не могу признать правой. Я поднимаюсь со стула, тот из-за резких движений падает, и ухожу на улицу. Я знаю, что я зря это сделала, приемные родители Элиота не в восторге и могут рассказать про это правительству, при том отношения с ним у меня не стали лучше. Но я чувствую свободу после того, как высказалась впервые за жизнь, и начинаю смеяться. Я иду и смеюсь, а по щекам текут слезы.

Если дело дойдет до правительства, они поймут, что со мной что-то не так, и отправят меня за пределы штатов. Там мне не выжить. Мне хочется спрятаться от этого мира и хочется бежать. Но я просто иду. Замечаю на фонарном столбе камеру, сначала задумываюсь, а потом поднимаю с асфальта камень и кидаю в нее с криком «к черту все!». Камень попадает прямо в камеру. Шокирующая точность. Со мной что-то не так.

Значит, за нами и правда следят. На следующем столбе я вижу еще камеру, еще на следующем еще одну. Наблюдающий при встрече с Молли. Подслушивающий на телефоне. Я думала, они хотят нас оберегать, но они контролируют нас. Они контролируют каждый наш шаг, каждое наше слово или действие. Значит, есть что контролировать. Почему только сейчас я думаю об этом?

Я брожу около часа и возвращаюсь домой, но не захожу. Свет еще горит, значит, они еще не спят, или даже семья Элиота еще не ушла. Я сажусь на крыльцо и жду. Через минут двадцать я слышу, как кто-то собирается в коридоре. Открывается дверь, и на меня падает свет.

– Я сам разберусь. Подождите дома, – слышу я голос Элиота. Он садится рядом со мной на крыльцо. Я сжимаюсь в комочек от такой близости.

– С тобой что-то не так, – говорит он после минуты молчания, – с тобой что-то не так. Я с родителями поговорил, и они сказали, что не станут рассказывать о случившемся правительству, но они не рады, что ты мой партнер. Если такое повторится, нам придется рассказать. Но то, о чем я пока думаю, и что нам известно, не выйдет за пределы узкого круга наших семей.

Мне второй раз говорят, что со мной что-то не так. Почему?

Элиот поднимается и зовет своих родителей. Я тоже встаю, чтобы не выглядеть неприлично, и пожимаю руку миссис и мистеру Дэтчеру, они ничего не говорят и просто кивают мне. Чувствую, как горят мои щеки. Когда они садятся в машину, я ухожу в дом. Там меня уже ждет Элоди. У нее скрещены руки на груди и покрасневшие щеки. Я вижу, что она злится. Такое редко случается, но если случается, значит это – серьезно.

– Что это было? – спрашивает она и подходит.

У меня нет сил говорить, и я пожимаю плечами. Она хватает меня за них и смотрит в глаза. Они потемнели, будто от злости.

– Что это было? – спрашивает снова она.

Я ничего не отвечаю и сбрасываю ее руки со своих плеч. Она обессиленно опускает их, и я прохожу мимо. Поднимаюсь на свой этаж и ложусь в кровать. Долго не могу заснуть, поэтому слышу, как через час тетя поднимается в комнату к Шону, и они обсуждают мое поведение. Через 20 минут я засыпаю. На следующий день и то, что происходит до Соединения, уже не имеет значения.

Глава 4

Я сдала все экзамены.

Первый экзамен оказался самым сложным из всех, к нему я была менее готова. Остальные оказались легче для меня, и я рада, что это кончилось. Результаты всех работ будут считаться вместе в процентах, и мы узнаем их практически сразу перед процедурой Соединения. Она будет завтра.

Меня пугает не столько процедура, сколько то, что я снова встречу с Молли. В тот раз она сказала мне, что со мной что-то не так, но тогда у меня не было возможности спросить, что она имеет в виду. С Элиотом я не встречалась с того дня, поэтому узнать от него мне тоже не удалось.

Когда я ложусь спать, я понимаю, что это последний день, когда я такая, какая я сейчас. Что это последний день, когда я вижу свою семью, и последний день, когда я ночую у себя дома. Последний день, когда я не делю свое тело ни с кем...

Утром я, как всегда, просыпаюсь рано. Лежу час в ванне, пытаюсь смыть с себя доказательства, что я не такая, как все. Но понимаю, что это во мне, внутри. В дверь стучит Элоди и говорит, что осталось только два часа до церемонии объявления результатов, и мне приходится выходить.

С того момента, как я высказала свое мнение, когда пришел Элиот с приемными родителями, тетя стала хуже ко мне относиться. Она не доверяет мне, мы больше не разговариваем так близко, как это было раньше.

Сегодня я должна надеть темно-синее платье с небольшим вырезом. Оно тоже прикрывает колени, но на нем есть немного украшений. Брошка с гербом зоны «Интеллект» и камешки по краю выреза. Тетя связывает мне волосы в косу, чтобы я не выделялась среди Близнецов таким.

Когда мы спускаемся, Шон, Шейн и Лолита уже готовы. Дядя и брат в строгих костюмах, а Лолита в голубом платье. Оно ей маловато и не до конца прикрывает колени. Я его одевала, когда правительство приезжало на празднование годовщины с момента, как появилась процедура Соединения в нашу зону. Но оно смотрится на ней хорошо. Волосы у нее чуть короче, чем до плечей, поэтому они просто стянуты резинкой сзади.

Нас опять встречает та машина, что отвозила нас на Встречу с Близнецом. Папа опять впереди, сзади я, Лолита и мама, а на раскладном сидении сзади нас Шейн.

Волнение накатывает, как волны во время прилива. Страх появился, как буря, обливая своими каплями дождя каждое сухое место. Это так страшно, непонятно. Что мне предстоит? Как это все пройдет?

Мы с Шейном смотрим друг другу в глаза. Он, как всегда, уверен в себе, чего и стоило ожидать. На нем черный костюм и синяя бабочка. Смотрится элегантно.

Я смотрю в окно. На улице появляются люди. Еще несколько машин проезжает мимо, в них я вижу тех, с кем училась. Они выглядят более уверенно, чем я.

Мы снова едем к Вратам, но в другую часть построек. Там находится одно большое здание и вокруг него много маленьких.

Мы выходим и идем к большому. Там находится зал, в котором мы узнаем результаты. После этого мы направимся каждый к своему маленькому построению. Номер его домика каждому пришел по почте. Мой – 34, а Шейна – 35.

Когда мы заходим, зал минимально украшен. Приглушен свет, под ногами синий палас, окна закрыты тяжелыми синими шторами, но все равно выглядит красиво. Чтобы пройти к залу, надо спускаться вниз. Каждый ряд сидений на своем уровне. Приемные родители

и младшие сводные сестры или братья садятся практически у сцены, мы выше на несколько рядов.

У нас выступает один зам. президент с речью, у зоны «Сила» другой. Сам президент очень редко выступает. Он говорит о том, что рад, что мы закончили этот этап своей жизни, максимально сильно изучили то, что нам положено, и результаты покажут, чего мы добились. Говорит, что Соединение – ответственный шаг, который каждый должен сделать, благодаря этому мы будем счастливы.

Когда он заканчивает говорить, все хлопают, и на сцену выходит Заведущий города. Он держит в руках стопку бумаг. Он будет озвучивать имя, фамилию, результат на экзамене, и поздравит дипломом. Озвучивают результаты, начиная с худшего. Я напрягаюсь.

Заведущий откашливается и берет стопку бумаг удобнее.

– Майк Джордан, 37 процентов, – говорит он, и на сцену выходит высокий, полноватый парень с россыпью веснушек из параллельного класса, – надеюсь, после Восстановления ты лучше сдашь экзамены.

Они пожимают друг другу руки, Майк берет диплом и садится на место. Следующая Милена Конаджи, ее результат 39.5 процентов, дальше Грейс Лоурен, ее результат 40. Я вздыхаю с облегчением, у меня уже больше сорока.

Когда рейтинг привышает шестьдесят процентов, я уже не могу сидеть на месте. Я не надеялась на такой результат. У Шейна 68 процентов. Я в уме подсчитываю, остается 14 человек, которых еще не объявили. Я замираю, когда произносят следующее имя. Не я. Двое следующих тоже.

– Сьюзен Харриган, – слышу я свое имя и хочу кричать от радости, – семьдесят шесть процентов.

Я с деревянными ногами иду на сцену, а в душе у меня бушует море. Я на восьмом месте. Я не могла и надеяться на такие результаты. Зам. президент меня поздравляет и жмет мне руку. Я надеюсь, что нас не ударит током, как при встрече с Молли, и этого не происходит. Когда я получаю свой диплом, я вижу, что за первый экзамен, к которому я меньше всего была готова, у меня самый лучший результат. Философия и психология.

Я спускаюсь со сцены и не могу сдерживать улыбку.

Остальные три Близнеца оказались учениками другой школы, и у них результаты на 0.1 процент больше, чем у другого. Я горжусь собой, но понимаю, что теперь за нами четверьма будут усиленно наблюдать, потому что каждый из нас может оказаться Индивидом, отчего и сдал так хорошо экзамены. У них вероятность сдать экзамены лучше, потому что их мозг не затуманен за счет процедуры.

Потом все встают и поют гимн зоны «Интеллект». Я стою и двигаю губами, потому что уверена, что петь не умею. Я слышу, как рядом поет Шейн, и у него это получается. Я рада, что он хорошо сдал экзамены. Значит, у него есть шанс хорошо их сдать после Восстановления. Мы не встретимся после процедуры, потому что в семье не может быть больше двух детей одного возраста, и каждый отправляется в разные зоны Восстановления. Их две и распределяются, кто из них куда, рандомно. Близнец не должен иметь поддержку во время того, как они приходят в себя. Он должен преодолеть все сам.

Я чувствую, как Шейн меня берет за руку и крепко сжимает. Я буду скучать по нему, хотя мы и не кровные родственники. Я ответно сжимаю его руку, и так мы стоим до конца гимна. После того, как он кончился, мы поднимаемся и идем наружу.

Приемные родители и Лолита каким-то образом выбрали раньше нас, и я вижу их, когда зрение снова привыкает к свету. Все так же держась за руки, мы с Шейном подходим к ним. Я обнимаю их по очереди, и каждый говорит какие-то слова, чтобы поддержать меня.

– Сюзи, удачи тебе, – говорит Лолита, когда я обнимаю ее, и это первые ободряющие слова от нее. Я хлопаю ее по плечу и желаю ей удачи в будущем. Через 2 года она пройдет тоже самое, что и я.

Во мне поднимается буря чувств. У меня немеют пальцы, и я встряхиваю их. Я понимаю, что это конец моей жизни, той, к которой я привыкла. Я сейчас изменюсь. Мне больше не будут говорить, что я странная. Я больше не буду просыпаться в 5.30 утра и идти на кухню к Элоди. Встречаться после школы с Ким и ходить туда, куда запрещено ходить.

С Ким мы не прощались. Попрощаться, значит, согласиться, что я больше никогда не вернусь сюда. Что мы больше не встретимся. Я не хочу верить, что это так. Я, как всегда, обещала ей позвонить, как только Элоди разрешит воспользоваться телефоном, но она понимает, что с моего номера ей больше не позвонят. Но лучше так, чем совсем не прощаться.

Через час нас всех вызывают по громкоговорителю в свои построения. Мы в последний раз обнимаемся с семьей и идем с Шейном к домикам. Они находятся рядом, и, прежде, чем войти, мы смотрим друг на друга. Он кивает мне и одними губами желает удачи. Я ничего не отвечаю и вхожу.

Там горит одна тусклая лампочка. В коридоре мне выдают пижаму и костюм, который я должна одеть после Соединения. Когда я захожу в комнату, там так же светло, как и в комнате, в которой я встречалась с Молли.

Мое сердце уходит в пятки, когда я вижу оборудование. Два больничных кресла, разные провода. Рядом что-то, вроде механической коробки. Около стены стоит молодой мужчина, но волосы у него белые, морщины у глаз. Он одет в белый свободный костюм, и на руках у него одноразовые перчатки. Рядом стоит Молли в серой пижаме.

– Переодевайся, – говорит мужчина, но я не вижу места, где я могла бы переодеться. Он выжидательно ждет, и я отворачиваюсь. Переодеваюсь прямо перед ним.

Я надеюсь, что он даст мне время поговорить с Молли, но он дает ей указания и она ложится на одно из кресел. В зеркале напротив я опять отмечаю про себя, что мы одинаковы. Родинка у ключиц, волосы выбиваются из косы. Это невозможно. А мужчина видит такое каждый год, когда выпускается новый класс Близнецов.

– Меня зовут Дэйл. Тебе не стоит переживать, это не будет больно или неприятно. Ты ничего не почувствуешь, – говорит он и становится между креслами.

Когда мне говорят, что будет не больно, или не страшно, то я сразу испытываю противоречивые чувства. Пальцы снова немеют, и я сжимаю руку в кулак, впиваясь ногтями в кожу. Вижу, что Молли не страшно.

– Расслабься, – снова говорит он, но у меня не получается. Он опять повторяет просьбу, но мне не удается ее выполнить.

Он идет к полке у стола, и, как я догадываюсь, берет успокоительное. Молли он не вкалывает, только мне. Я сразу чувствую результат. Тело обмякает, и меня клонит в сон. Дэйл подключает провода так, чтобы и у меня, и у Молли они находились на одном месте. У виска, на запястье.

Я чувствую легкий заряд тока. У меня ощущение, будто я засыпаю, но я борюсь с ним. Я пытаюсь сжать кулак, но ничего не получается. Я не чувствую свое тело. Я ничего не чувствую.

Я стою по колено в воде. Это будто мелкое озеро, но у него нет ни конца, ни начала. Небо черное, будто пролили чернила. Звезд нет, нет света. Я пытаюсь идти, но не могу и сдвинуть ноги с места. Я слышу звук, будто куча пчел жужжит далеко от меня, но звук все ближе и ближе. Что-то холодное проходит по моей ноге.

Мне становится страшно, мурашки пробегают по телу. Потом я снова чувствую, что что-то касается моей ноги, и, когда жужжание достигает максимальной громкости, я падаю.

Я в темноте. Я не вижу ничего. Ни верха, ни низа. Я не вижу, что через метр впереди, что сзади. Я не вижу своих рук. Я пытаюсь нащупать что-то твердое, но не могу. Я пытаюсь дотронуться до самой себя, но руки будто проходят через мое тело. Я не чувствую себя.

Потом я понимаю, что я в воде. Я вижу разводы перед собой, но не вижу дна. Наконец, могу различить очертания своих рук. Рядом со мной плавает мой Близнец. Она пытается коснуться моей руки, но ей это не удается. Она тянет руку, и я хочу крикнуть, что не надо, но она все равно делает это. Я вижу, как ее рука становится красной и появляются ссадины, сквозь которые сочится кровь.

Когда мне удастся крикнуть что-то, Молли дотрагивается до моей руки, и будто огромный заряд бьет ее. Она кричит, и я проваливаюсь в бездну.

Яркий свет бьет мне в глаза. Я жмурюсь, но он все равно пробивается мне через веки. Такое ощущение, что я провела в темноте всю свою жизнь.

Я вижу лицо Дэйла. Глаза у него напуганы, но суровое выражения лица. Я вижу, как напряжены его мышцы на руках. Вены выпирают, образуя красивое сплетение синих нитей.

Я вся мокрая. Я не вспотела, меня будто в воду окунули. С волос стекают тяжелые капли, руки в какой-то вязкой жидкости. Я пытаюсь встать, но сил нет.

Я вижу, что Молли нигде нет. И во мне тоже. Я не знаю, откуда я это взяла.

Я не знаю, как я поняла, что ее нет во мне. Соединенный никогда не чувствует, что в нем кто-то другой. Но я знаю, что это так. Я чувствую пустоту.

– С тобой что-то не так, – говорит Дэйл, и я выхожу из себя.

– Мне надоело, что мне все это говорят! Объясните мне, что происходит? Где Молли? Что со мной не так? Что?

Я слышу, как мой голос набирает обороты, и я уже кричу. Дэйл вздыхает и подходит. Хватает меня за руку и поднимает. Я встаю на ноги и чувствую, что стоять могу. И на этом спасибо.

– Я с таким уже встречался однажды. Это очень опасно. Не в том смысле, в котором нам говорит правительство. И я уверен, что другие тоже встречались с этим.

Понятней мне не стало. Я вижу, что он набирается храбрости, чтобы сказать что-то страшное. У него широкая грудь, и когда он вздыхает, рубашка грозит порваться.

– Молли умерла во время процедуры. Это значит только одно. Ты... – он недоговаривает. Я слышу, как двери в соседних домах открываются и закрываются. Значит, все уже прошли Соединение, – тебе нужно собираться. Все уже выходят.

– Нет, скажите мне! – говорю я злым шепотом, потому что боюсь, что нас могут услышать.

– Ты не такая, как все. Это все, что я могу сказать. Будет лучше, если ты скроешь это. Я не знаю, как, но если ты хочешь выжить, борись за жизнь.

– Индивид, – говорю я, но Дэйл молчит.

Времени на вопросы больше нет. Я снимаю пижаму и вытираюсь ей, одеваю костюм, который нам выдали перед Соединением. С платья падает брошь с гербом зоны «Интеллект», и я, не задумываясь, кладу ее в карман.

Я не спрашиваю, куда он дел тело Молли, или то, как он понял, что это не обычная ошибка. Не оглядываясь, я выхожу из здания.

Все стоят у остановки и переговариваются. Издалека это выглядит, как серо-черная масса. На каждом облегающий, универсальный костюм. Тянувшаяся кожанная кофта с молнией и такие же брюки, черные сапоги. Я подхожу ближе, но все равно остаюсь в стороне. Мне сложно влиться в какую-либо компанию.

Я не вижу рельсы, поэтому понимаю, что мы не поедem на поезде. Нам никогда не говорят, что происходит с Соединенными после процедуры, только то, что они проходят Восстановление, поэтому я представить не могу, что произойдет через минуту, завтра или через месяц.

Соединенные ведут себя предсказуемо. Они щупают себя, будто думают, что от Близнеца у них появятся новые части тела, восхищаются тем, что у них появились мышцы или поменялся голос. Я замечаю, что на другой стороне дороги еще одна стоянка, но на ней никого нет. Видимо, вторая группа уже уехала.

Когда я слышу звук приближающегося транспорта вдалеке, я подхожу ближе ко всем. Издалека я уже вижу то, что приближается к нам. Это кажется обычным автобусом, но при приближении я понимаю, что с ним что-то не так. О таком нам рассказывали в школе. У них нет колес, они электрические. Автобусы берут энергию тепла, исходящего из ядра планеты. Бесконечный механизм, такие вообще не тратят драгоценные природные ресурсы, но, как и подобает таким вещам, стоят дорого.

Смотрю в лица и не узнаю тех, с кем училась. Они все поменялись, будто стали взрослее. Но, наверное, мне так просто кажется.

Потом я слышу, как кто-то кричит. Оборачиваюсь на звук и вижу девушку, на руках у которой остались волосы. У многих они выпадут. Я узнаю черты Грейс Лоурен, она училась в моем классе. Она плачет и оседает на землю. Я хочу пойти и поддержать ее, но подъезжает автобус, и все спешат зайти в него. Меня уносит людьми. Прежде, чем закрывается дверь, я вижу заплаканное лицо Грейс и то, что она осталась на стоянке.

Я знаю, что происходит с теми, кто не садится на автобус. Им не остается выбора. Или они добровольно уйдут за пределы штата, так как здесь их никто не примет обратно, или на вечернем обходе их заметят охранники и отправят на суд. После этого они все равно отправляются за пределы.

Сидения в автобусе жесткие, но я все равно засыпаю, так как сил у меня нет. Нам не говорят, сколько часов туда ехать, но я понимаю, что остановок не будет.

Глава 5

Я просыпаюсь, когда автобус останавливается. Через окно я вижу, что на улице темно. Двери еще не открылись, но Соединенные столпились у входа. Я тоже встаю. Через пол минуты дверь открывается, и все выходят.

В ста метрах я вижу забор, за ним несколько больших построек, поляну и за ними густой лес. В нашу сторону идет силуэт, и когда он подходит, фонарь у стоянки освещает его. Густые, темные волосы, длинный, квадратный подбородок. И еле заметная ямочка на щеке. Точь-в-точь, как у меня. На вид ему лет 20—22, и я не знаю, кем он может быть здесь.

Он хмурится, и на лбу появляются морщины. Руки у него сложены на груди.

– Идите за мной, – говорит он низким голосом. Не поздоровался, не сказал имени.

Он разворачивается, и я вижу, что у него шрам от плеча до локтя. Он идет медленно, будто хочет, чтобы мы рассмотрели окружности, но фонарь был только около стоянки, и теперь ничего не видно. Когда мы заходим за забор, ворота за нами закрываются с грохотом, поэтому я подскакиваю на месте. Деревьев здесь немного, но вдалеке лес. Скорее всего, потому я чувствую приятную свежесть.

Все здания соединены одним длинным коридором. Мы заходим в здание, которое находится ближе всего к нам.

– Меня зовут Дэниел, и я ваш Наблюдающий. Я буду присутствовать на всех ваших тренировках, на всех испытаниях. Сейчас, когда вы прошли Соединение, вы больше не должны вспоминать свою жизнь в зонах. Теперь вы стали взрослыми, и вы будете практики, а не теоретики. Близнецам из зоны «Сила» это понятней, потому что они всю жизнь делают, а не думают. Вы больше не дети, которые учились. Теперь вы должны показать, на что вы способны.

Его слова меня пугают. Во мне нет Близнеца из зоны «Сила», поэтому я только умом победить. Что я не целая, поймут сразу же на первой тренировке.

– Вы третье выпускники, за которых я отвечаю. Я не буду относиться к вам, как к детям. Вы сами добьетесь хороших результатов. У вас будет 5 испытаний, и после каждого будут штрафные очки у человека с самыми худшими результатами. Техника ясна? Все понятно? Остальная информация завтра. Девочки направо, мальчики налево. Ваши инструктора на ближайшее время: Хан и Эльза. Они покажут вам дорогу. До завтра всем.

Нашим инструктором будет Хан, а инструктором парней будет Эльза. Мы разделяемся и идем каждый в свою сторону.

Мы заходим в длинную комнату, вдоль левой стены стоят кровати. Дальше дверь, как я понимаю, в уборную. Стены покрашены в бледно-серый.

– Около каждой кровати, – говорит Хан, – стоят тумбочки. В них вы можете складывать свои личные вещи, если они у вас будут. Там вы можете найти 2 полотенца, средства гигиены, один комплект одежды. Если у вас остались вещи из ваших зон, то прошу их выкинуть в ближайшее время.

После этих слов я сжимаю брошь, которую взяла с собой. Интересно, смогу ли я ее спрятать?

– Подъем в 6 часов, – на пол часа позже, чем мы встаем в зонах, – отбой в 11. Советую ложиться прямо сейчас. Завтра вас ждет бешенный день. За кровати лучше не деритесь.

Он уходит, и я сажусь на кровать. Она мягче, чем у нас на зонах, но спать мне не хочется. Я раздеваюсь, кладу брошь, которая выпала при переодевании на процедуре, под кровать у изголовья и иду в ванную комнату. Захожу в душ, потому что волосы до сих пор влажные после процедуры Соединения. Приятные прохладные капли стекают по телу, и я освежаюсь. Потом чищу зубы и возвращаюсь в комнату.

Около меня устроились незнакомые мне девушки. Справа от меня уже спит, а слева сидит, уставившись в пол.

– Все хорошо? – спрашиваю ее я, и она смотрит на меня. Потом улыбается и кивает.

– Да, конечно. Просто... Так непривычно.

– Мне тоже. Все через это проходят.

Она вздыхает и отводит глаза. У нее теплый голос, темные волосы, карие глаза и широкая улыбка. Кожа у нее светлая, как цветы яблони, когда она расцветает, и она почти на голову выше меня. У нее довольно широкие плечи, но от этого она не выглядит мужественной.

– Меня зовут Изабелла. Можно просто Белла.

– Сьюзен.

Она мне нравится. Мне кажется, что мы могли бы с ней подружиться, и я улыбаюсь ей. Она улыбается в ответ и забирается под одеяло. Я делаю так же и выключаю лампочку над кроватью. Пытаюсь заснуть.

Через два часа понимаю, что заснуть не смогу. Свет не включаю, боясь всех разбудить. Одеваюсь и выхожу.

В главной комнате тускло горит одна настенная лампочка. Видно много дверей. Которая прямо напротив нас, ведет в мужскую комнату. Куда остальные, я не знаю. Дергаю ручку выхода, но она закрыта. Дверь в комнату рядом с нашей тоже. Следующая ведет в длинный коридор, и я иду туда. Дальше по коридору лестница вниз.

Я спускаюсь и попадаю в большой холл. Прямо напротив меня большое окно, за которым еще одна комната, она пуста. Здесь тоже никого нет, но горит свет. Стоят манекены, мишени. Еще я вижу боксерские груши, арену, турник. Скорее всего, здесь нас будут тренировать.

Я подхожу к арене и вижу несмытую кровь. Она давно впиталась и потемнела. Потом слышу шаги и судорожно думаю, где спрятаться. Бегу в комнату с окном и прячусь под ним. Пугаюсь, кто это и что мне будет за то, что я не на месте.

– Я знаю, что ты здесь. У тебя ноги потеют, и ты оставил следы, – слышу я и краснею от стыда, – выходи, иначе я сам тебя найду.

Я не выхожу. Я знаю, что он все равно меня найдет, но ноги меня не слушают. Я боюсь и прижимаюсь к стене, надеясь, что смогу слиться с ней. Но через некоторое время ручка двери медленно опускается, и я срываюсь. Подбегаю к ней и поднимаю ее вверх.

С той стороны ее пытаются опустить вниз, и она больно впиивается мне в руку, но я не отпускаю ее. Подпираю дверь плечом, но в конце концов дверь распахивается, и я отлетаю в сторону. Падая, оцарапываю спину и вскрикиваю от боли.

– Девчонка, – фыркает Дэниел и медленно подходит.

Я отползаю назад, но он подскакивает ко мне, хватая за плечо и рывком поднимает меня. Я рефлекторно бью его в лицо, локтем под грудь и пытаюсь бежать, но он крепко держит меня. Потирает лицо и рычит со злости, потом встряхивает меня.

– Что это? Это самозащита? – он будто забывает, что я ночью оказалась здесь, и тащит меня в большую комнату.

Я хочу вырваться, но понимаю, что больше рисковать не стоит, если я не хочу, чтобы он меня убил. Спина и плечо до сих болит. Подходим к арене.

– Залезай, – говорит Дэниел.

Я не понимаю, зачем, но взбираюсь и жду, что будет дальше. Он залезает за мной и становится.

– Борись так, как надо бороться, – говорит он и становится в стойку.

– Что? – спрашиваю я. Он подходит ближе и заносит руку, но я вовремя уворачиваюсь, и его рука пролетает прямо надо мной. Я слышу, как она разрезает воздух.

– Борись, – кричит он и бьет еще раз.

Я снова успеваю увернуться, но он все равно немного попадает в мое плечо. Я чувствую, что он бьет не в полную силу, но все равно мне очень больно.

Я не знаю, что надо делать. Я никогда ни с кем не дралась, даже не видела, как это происходит. Помню только, что когда у нас дома был телевизор, я случайно наткнулась на спортивный канал, и там люди тоже были на арене. Они стояли, согнув колени, и закрывали лицо. Что именно было, я не помню.

Я сгибаю ноги и выставляю согнутые руки.

– Ноги должны быть напряжены и укреплены на земле, – говорит Дэниел и бьет по ним. Я падаю на землю и ударяюсь подбородком о пол.

Он подходит, хватая меня за локоть и поднимает.

– Я понимаю, что после Соединения вы все слабы, но не настолько же.

Хочется крикнуть ему в лицо, что я вообще без Близнеца, и чтобы он отстал от меня, но это для меня плохо кончится, и я молчу, стиснув зубы. Прикрываю одной рукой лицо и резко выставляю другую вперед, но только задеваю его грудь. Пальцы выгибаются в обратную сторону, и я тяну руку обратно к себе. Не показываю, что мне больно.

Когда бью второй раз, он хватая мою руку и резким движением выворачивает ее.

– Во время удара рука должна выпрямляться полностью, – зло кричит он. Вторую прижимает у подбородка, – а правая прикрывает лицо.

Я разозлилась и бью его в бок локтем. Он вскрикивает от неожиданности и наклоняется, я коленкой бью по лицу. Он ставит блок, и я падаю.

– Реакция неплохая. Техника дерьмовая. Теперь иди в свою комнату и ложись спать. У тебя завтра снова тренировка.

Мне очень обидно, кажется, что тебя публично унизили, заставили искупаться в грязи. Неприятно, что он позволяет себе такое. Надеюсь, его поведение – это не норма.

Я просто встаю и ухожу, не оборачиваясь. Все тело болит, а майку можно выжимать. Я вспотела, будто бегала весь день, но я так устала, что мне не хватает сил идти в душ. Я ложусь в кровать и сразу засыпаю.

– Подъем, – услышала я сквозь сон. Сил вставать нет, и я не реагирую.

Когда я снова засыпаю, я чувствую, как с меня сдернули одеяло, и резко вскакиваю, прикрывая тело.

– Подъем, я сказал.

Взгляд проясняется, и я вижу перед собой Хана. Он держит в руке одеяло. Когда он уходит, я беру с собой вещи и иду в ванную. Там много девушек, поэтому я чищу зубы, используя с Беллой одну раковину. Душ освобождается, и я сразу забегая в него. Все тело ноет от вчерашнего боя, и не хочется выходить из душа, но все уйдут, и я останусь последней, поэтому одеваюсь и выхожу.

Мы выходим в общую комнату, парни уже здесь. Я мельком замечая лицо Элиота, но оно сразу пропадает. Я не иду его искать, через всю кучу людей мне сложно пробраться.

Я стаю практически впереди всех, поэтому вижу, как к нам подходит Дэниел.

– Приветствую всех. Я рад, что все здесь. Вчера у вас выдался сложный день, возможно, некоторые плохо себя чувствуют сейчас, – говорит он и смотрит на меня. Мои щеки краснеют, будто мы вчера не дрались, а занимались чем-то неприличным. Я отвожу глаза.

– Сейчас вы должны позавтракать. Там я расскажу больше о том, что вам предстоит. После этого мы отправимся на тренировку, и вы покажете себя, – продолжает Дэниел, и мы следуем за ним.

Мы идем по одному из коридоров, соединяющих здания, и попадаем в большую комнату, в которой расставлено много столов. Посередине стоит один большой, на котором стоит еда, как шведский стол.

Мы с Беллой берем сок и вареные яйца. Мне не лезет кусок в горло, хотя я не ела со вчерашнего утра. Вчера нас не кормили. Наверное, из-за того, что все приехали уставшие. Я замечаю, что многие тоже не притрагиваются к еде.

– Советую вам нормально поесть, иначе у вас не будет силы на тренировке, – говорит Хан, и я слушаю его. Буквально запихиваю в себя еду.

– Соединенные, прошу минуту внимания, – говорит Дэниел после того, как почти все поели. Он встает со своего места.

Все взгляды обращаются к нему, и разговоры стихают.

– Как я и говорил, вас ждет 5 испытаний. Каждое отвечает за свое. У вас проверяется ваша логика мышления, ваше бесстрашие, будет психологическая проверка, ваша сила и ваш интеллект. Проверка проходит каждые 2 недели. После каждого испытания будет подсчет результатов. Тот, у кого будет худший результат, получит штрафные очки. За что они отвечают, узнаете потом, но они будут использоваться на экзамене. Тренировки будут проходить каждый день. У вас свободное время каждый день после 7 часов, в среду после 3, в воскресенье свободный день. Это время вы можете посвятить тренировкам, прогулке по разрешенной местности на улице или в здании. В вашем распоряжении библиотека, общая гостинная и тренировочный зал, – он заканчивает говорить и садится.

Я не понимаю, почему от нас скрывают, что за испытания будут, но так же было, когда мы жили в зонах. Нам не говорили, какой экзамен будет, чтобы мы не могли подготовиться. Скорее всего, Восстановление происходит по такой же схеме.

Через несколько минут мы все встаем и идем за Наблюдающим и инструкторами. Мы проходим общую комнату и, к моему удивлению, выходим на улицу. Я гадаю, куда мы попадем. Заходим за дом, и я вижу спортивную площадку.

Дэниел отходит в сторону. Теперь наступило время Хана и Эльзы.

– Для начала мы восстановим минимальную часть вашей силы. Это будет не так просто, после процедуры у вас нарушена координация движений, и вы будете некоторое время слабы, но это ненадолго.

У меня есть преимущество перед остальными. Я не прошла процедуру, поэтому чувствую себя нормально. Но и у них оно есть. Их часть всю жизнь занималась физическими нагрузками.

– Сейчас вы должны собраться в колонну по три и медленным бегом следуем за мной, – говорит Хан, растирая ноги.

В моем трио я, Белла и девушка, которая спит рядом со мной. Ее зовут Беверли.

Мы направляемся длинной линией в лес и бежим по широкой тропинке. Я очень редко бывала в лесу, поэтому рассматриваю округу.

Я понимаю, что у меня еще есть шансы сдать испытание, связанное с силой, когда Белла выдыхается раньше, чем я.

– Не останавливаемся. Скорость движения сбавляем до минимума, спокойно дышим через нос. Если колет в боку, дышите через рот.

Я только часть Соединенного человека. Часть из зоны «интеллект», и у меня не может быть развита физическая сила. Это невозможно, но я, не задумываясь, бегу, не позволяя подступать мыслям о том, что я не нормальный человек.

Через минут десять мы поворачиваем и бежим обратно. Мне бежать сложно, но я не останавливаюсь. Если я хочу остаться в живых, мне нужно делать максимально много для того, чтобы сдать экзамен.

Мы прибегаем на площадку. Нас будет тренировать Хан, парней будет тренировать Эльза. Они похожи друг на друга, как капля воды. Широкие плечи, выделяется пресс, как и все остальные мышцы на теле. Но Эльза не выглядит мужественно. Единственное, что не украшает ее, так это то, что она обрита наголо.

– Хорошо. Сегодня тренируем основные мышцы, те, что выше пояса, – он хлопает себя по груди и рукам, – разминаемся.

Я не знаю, как это делать, но повторяю за Беллой.

– Основное упражнение на спину и трицепс – подтягивания верхним хватом. Сейчас вам сложно восстановить силы, поэтому можно держаться нижним хватом. Если и так сложно, выбирайте партнера. Он держит вас за ноги и помогает подтянуться.

У немногих девушек получается это сделать, и, когда я подхожу, я надеюсь, что у меня получится, но я вишу на турнике и не могу подняться ни на сантиметр. Зову Беллу, и она держит меня за ноги.

– Ты подтягиваешься так, будто не делала этого никогда, – говорит Хан и повисает рядом со мной, – руки на ширине плеч, спина ровная. Когда подтягиваешься, подбородок выше грифа. Давай снова, – молчу о том, что Близнеца из зоны «Сила» во мне нет.

Я пытаюсь сделать так, как он сказал, но у меня не получается подтянуться так красиво, как подтягивается Хан.

– Видно, твоя часть из «силы» халявила, – возмущается Белла, когда я снова и снова пытаюсь подтянуться.

После этого мы отжимаемся от пола и от брусьев, но я потеряла все свои силы на турнике. Меня поддерживает только мысль о том, что я борюсь за свою жизнь.

Поскольку у меня нет сил, я обучаю технику. Потом мы висим на турнике и подтягиваем к себе ноги. Это дается мне легче, но я падаю только из-за того, что соскальзывают руки. Думаю о том, какие упражнения нам предстоят еще. Переживаю, что они будут еще сложнее.

– На сегодня эта тренировка окончена, – меня эти слова радуют, и мы идем в дом, – через час жду вас в основной комнате.

Я захожу в комнату и сразу направляюсь к кровати. Мне ничего не болит, но я очень устала. Десять минут лежу на кровати. Замечаю, что уже почти двенадцать. Значит, на площадке мы провели несколько часов.

– Идешь обедать? – спрашивает Белла, и я встаю с кровати. Плетусь за ней, совсем измотанная, но понимаю, что все это я делаю ради себя.

Мы съедаем по куриной ножке с жареной картошкой, и у меня будто появляется второе дыхание. Нет, я до сих пор чувствую себя уставшей, но понимаю, что могу сделать еще. В нужное время мы все в общей комнате. Никто еще не пришел, поэтому я просто осматриваюсь. В какой-то момент замечаю знакомое лицо и, не задумываясь, подхожу.

– Вот ты где, – хватаю я Элиота за локоть и поворачиваю к себе. У него впали щеки и появились синяки под глазами.

– Привет, – отвечает он мне и смотрит мне прямо в глаза, будто не узнает меня.

– Ну привет. Для начала: ты не забыл случаем, что ты мой жених?

Он хмурится, будто хочет вспомнить что-то очень важное, но ему это не удается. Видимо, процедура Соединения неплохо постаралась.

– Да, – вдруг восклицает он, – Да.

Я только вздыхаю. Он сам не свой. Видно, процедура на него плохо повлияла, и ему сейчас не очень хорошо. Так часто бывает, но потом люди восстанавливаются. Я замечаю у него на лбу испарину. Он совсем исхудал. Такое чувство, что он свалится без сил прямо сейчас. Я беру его за локоть и веду за собой.

– Куда это вы? – раздается над моим ухом голос Дэниела, и большая, теплая рука ложится мне на плечо.

– Ему нужен врач, – я ему отвечаю и смотрю в глаза. Лишь бы не показаться испуганной.

– Здесь всем нужен врач, – отвечает он и указывает рукой на Соединенных, которые ждут. Они все выглядят уставшими и ослабевшими, но не настолько, как выглядит Элиот. Если я не отведу его к тому, кто может ему помочь, то ему станет только хуже.

В зоне «Интеллект» мы изучали, как оказать первую помощь и то, как понять, что человеку плохо. Я вижу, что Элиота действительно плохо. Ему нужна помощь. Я не могу ему помочь, так как нужны медикаменты. Дэниел вздыхает и отводит нас в сторону.

– Вторая от нас дверь, прямо по коридору, на право. Увидишь дверь с табличкой, – шепчет он, будто это секрет, – потом вернетесь, – он запинается и смотрит на Элиота, – вернешься в общую комнату, иди по коридору в третье здание. Там самая большая дверь, заходи туда.

Я киваю и веду Элиота к врачу. Ему нехорошо, но я рада, что он хоть может ходить. Мы заходим туда, куда сказал Дэниел, и оказываемся в белой комнате. Там находится койка и стол, за которым сидит немолодой мужчина. Один глаз у него как будто покрыт пеленой, над глазом и под ним идет красный, некрасивый шрам. Волосы у него до ушей. Черные и сальные.

– Что случилось? – спрашивает он и подходит к нам. Дотрагивается до лица Элиота и рассматривает его. Он хромает на правую ногу, кажется, что ему самому нужна помощь, ведь выглядит она отвратительно для врача.

– Ему плохо, – я подвожу его к койке и сажу на нее.

Элиот ложится и подтягивает к себе ноги. Взгляд у него пустой.

– Можешь идти.

– С ним все будет хорошо?

– Можешь идти.

Я пожимаю плечами и ухожу. Если он не хочет говорить, пусть не говорит. Хотя мы и не были в хороших отношениях с Элиотом, я все равно волнуюсь за него. Я надеюсь, что с ним все будет хорошо, и он выздоровеет.

Глава 6

Я захожу в то место, куда мне сказал зайти Дэниел, и попадаю в большой зал. Впереди стоит молодая женщина с короткими светлыми волосами и темными глазами. Она что-то рассказывает, а остальные сидят за столами перед ней. Выглядит, будто обыкновенный урок.

– Здравствуйте, Сьюзен Харриган. Надеюсь, у вас стоящая причина, почему вы опоздали на важную часть восстановления, – обращается она ко мне, – садитесь на свободное место.

Я сажусь на место рядом с Беллой. Она мне улыбается и спрашивает, что произошло и почему я опоздала, на что я ей отвечаю, что скажу позже. Она делает вид, что обиделась, но я тыкаю ее локтем в бок, и она выдавливает смешок, но хватается за это место. Видимо, Дэниел был прав, и здесь всем плохо после восстановления.

– Вы не узнаете ничего нового на этих уроках. Все, что можно, ваша часть из зоны «Интеллект» выучила. Сейчас мы просто будем восстанавливать знания, так как во время процедуры ваш мозг получил большую нагрузку, и сейчас ему сложно вспоминать то, что уже знает.

Учитель мне нравится. Она кажется доброй, а ее незначительная полнота придает ей приятный вид. Ей лет тридцать.

Урок проходит так же быстро, как и тренировка. Хотя здесь я себя чувствую свободно, как рыба в воде, и мне легко дается каждое задание, которое дает нам женщина, в отличие от остальных, кто здесь находится. Я надеюсь, что смогу выплыть за счет своих знаний на экзамене. Еще я узнаю имя. Учителя зовут Вероника Датрис.

Когда урок кончается, нам опять дается час времени. Только уходя, я замечаю Дэниела. Он, что, наблюдает за нами совсем все время? Я и Белла идем в свою комнату и думаем о том, что будет дальше. Она за то, что будет что-то силовое, я за то, что будет что-то интеллектуальное.

За 10 минут до назначенного времени я вспоминаю о Элиоте и подрываюсь в медпункт. Белла ничего не понимает, но идет за мной. По пути я ей объясняю, что хочу узнать, как он себя чувствует.

Я захожу в кабинет и вижу, что его здесь нет. Значит, его уже отпустили. Белла осталась стоять за дверью, а я подхожу к столу и сажусь на стул перед врачом.

– Как Элиот?

– Ему легче. Просто ослабление после процедуры, – отвечает он, не отрываясь от бумаг, на которых что-то пишет, – вы бы берегли своего жениха, ему сейчас не стоит перенапрягаться. Я его отпустил, он уже ушел. Вы опоздали.

– Ясно. Спасибо.

Я встаю со стула, но он продолжает смотреть в свои записи. Занятой человек. Когда уже около двери, вспоминаю, что он сказал.

– Откуда вы знаете, что мы помолвлены?

Его глаз, подернутый пленкой, уставился в пустоту, а другой смотрит прямо на меня.

– Он сам сказал, – наконец он смотрит на меня и улыбается. Я не отвечаю и ухожу.

Мы с Беллой возвращаемся как раз тогда, когда все начинают собираться. Мы подходим к Беверли, и в этот момент появляется Дэниел. Он опять ведет нас по коридорам, но сейчас мы попадаем в самое дальнее и маленькое здание. Оно состоит только из одной комнаты, и там находятся манекены, почти такие же, как в месте, куда я пошла этой ночью.

Поверить не могу, что не прошло еще одних суток. Время течет так быстро, но одновременно с этим так медленно. Такое ощущение, что время здесь – это что-то неизмеримое. То спешит, будто опаздывает куда-то, то идет так медленно, что можно считать секунды реже, чем они идут на самом деле.

– Сейчас мы ознакомимся с правилами первой медицинской помощи. Разбейтесь на пары, сегодня вы работаете друг с другом, – неизвестно откуда появляется молодой парень. Ему примерно столько же, сколько и нам.

Я до сих пор видела только одного человека, который не молод, и это врач. У этого парня громкий голос и светлые, длинные волосы. Ростом он примерно, как и Дэниел, и черты лица у них похожие. Если бы не волосы, можно было бы подумать, что они братья.

– Меня зовут Ашер Уиджи, но можете называть просто Ашер. А теперь разойдитесь так, что бы у каждого был свой коврик. Тем, кому не досталось пары, может взять манекен.

Я в паре с Беллой. Мы располагаемся у самого близкого к нам коврика. Там лежат какие-то медикаменты и повязки. Пытаюсь понять, что нас ждет.

– Теперь представим, что у вашего партнера... допустим, у того, кто справа, – Белла справа, – остановка сердца. В вашем распоряжении все, что у вашего ковра. Сделайте так, чтобы ваш партнер остался в живых.

Сейчас преимущество тоже на моей стороне. Я знаю, что надо делать, и посмотрев на других, вижу, что они хмурятся, пытаюсь вспомнить. Не вижу ни одного, кто делает что-то правильно, и ликую в душе.

Вдруг Дэниел подается вперед и ровняется с Ашером. Он хмурится, и руки у него опять сложены на груди. Он говорит отчетливо и громко, слова разлетаются по всей комнате.

– Так они ничего не вспомнят. Нужен другой подход. Вы, – указывает он на нас с Беллой, – идите сюда.

Мы удивлены, но поднимаемся и становимся на ковер перед ними.

– Подойди ты поближе, – говорит Белле. Та приближается почти вплотную. Дэниел брезгливо отводит голову. Он поворачивается к столу Ашера.

Я не знаю, что он делает, но, когда он поворачивается, в его руках какое-то устройство, незнакомое мне. Оно удлиненное, на головке мигает красная лампочка.

Дэниел хватает Беллу за шею быстрее, чем я могу предположить. Подставляет устройство к ее груди, я слышу, как что-то щелкает. Белла закатывает глаза, а потом оседает. Дэниел ее придерживает за талию.

– У нее остановилось сердце. Она умирает. Сделай что-то.

Я в шоке смотрю, как Дэниел кладет ее на пол. У меня разом из головы пропадают мысли, и я ничего не могу сделать.

– Давай! – кричит Дэниел, и я еще больше пугаюсь.

«Так, Сьюзен, успокойся,» – говорю я себе, но ничего не получается. Я судорожно вспоминаю, что надо делать.

– Пока ты думаешь, она умирает, – говорит он, и я вижу, что Белла начинает синеть. Струйка слюны стекает по подбородку.

У меня начинается истерика, и я начинаю делать то, что вспоминаю. Наклоняюсь к ней пытаюсь сделать что-то наподобие массажа сердца. Все в переносном смысле валится из рук, и когда я окончательно отчаиваюсь, Дэниел подхватывает Беллу, приставляет все то же устройство к ее груди. Я слышу снова щелчок.

– Поздравляю, ты убила свою подругу, – говорит он несерьезно, но у меня чувства, будто я и правда кого-то убила, – отведи ее в медпункт, – обращается он к ближайшему Соединенному, – на сегодня урок окончен. Все свободны.

Белла приходит в себя. Она выглядит удивленной, ее глаза полуоткрыты. Мне так стыдно перед ней.

Все расходятся, но я одна остаюсь на месте и не могу сдвинуться ни на шаг. Когда Дэниел практически вышел из комнаты, я бегу к нему.

– Это насилие! Так неправильно! Это чудовищно, – кричу ему в лицо.

Он не останавливается, но я все равно иду за ним.

– Ты ужасный человек, – говорю я ему и останавливаюсь, взгляд непроизвольно падает на его шрам на руке

Он тоже останавливается и поворачивается ко мне.

– А ты убила свою подругу. Ну и кто из нас хуже? – спрашивает он и зло улыбается. Зубы у него ровные и белые, а на щеках почти незаметная щетина.

Я не отвечаю. Он и не ждет ответ. Отворачивается и снова уходит, а я остаюсь на месте. Ну и ладно. Война, так война.

Я возвращаюсь в комнату, но Белла еще не вернулась. Все сидят на своих кроватях и разговаривают между собой. Я не вмешиваюсь в разговор и ложусь на кровать. Еще нет шести, и я не знаю, чем заняться.

Примерно около восьми все ложатся спать. Их вымотал сегодняшний день. Один стресс. Когда все стихает, и не горит ни одна лампочка, я включаю свою. Никакой реакции на свет не следует, поэтому я встаю с кровати и одеваюсь. Спать мне совсем не хочется. Я выхожу из комнаты.

В общей комнате, как и прошлой ночью, горит одна тусклая лампочка. Нет ни души, и тихо. Может показаться, что это место давно покинуто и заброшено. Я тихо пробираюсь к двери, в которую вчера зашла, и смотрю, есть ли там свет. Там темно, и я захожу туда, хотя мне и страшно. Спускаюсь и на ощупь ищу выключатель. Когда включаю, каждая лампочка мигает по очереди, и яркий свет освещает большой зал.

Здесь все, как и вчера. Только нет Дэниела, это и хорошо.

Снимаю кофту и остаюсь в леггинсах и майке одного типа. Начинаю с пробежки и, засекая время, бегу вокруг зала. Через 15 минут останавливаюсь, и, вспоминая утреннюю тренировку, разминаюсь. Подхожу к турнику и повисаю.

Потом понимаю, что так у меня не получится. Запрыгиваю так, чтобы подбородок был выше грифа, и медленно опускаюсь вниз. На столько медленно, на сколько это возможно. Мои руки дрожат, и мне хочется спрыгнуть, но не сдаюсь. Я борюсь за свою жизнь.

Делаю так несколько раз, и ложусь на пол. Становлюсь так, чтобы отжаться, но когда опускаюсь ниже, руки не выдерживают, и я падаю. Но снова становлюсь в стойку. Когда выдыхаюсь из сил, подхожу к груше и становлюсь так, как меня вчера учил Дэниел. На костях пальцев появляются ссадины от каждого удара. Когда на часах почти десять часов вечера, я заканчиваю тренировку легким бегом и возвращаюсь в комнату.

После душа сразу заваливаюсь спать. Засыпаю практически сразу.

Я опять в темноте, как было на процедуре Соединения. Но сейчас я вижу еле заметные очертания своих рук, но себя все равно не чувствую. Как и тогда, пытаюсь нащупать что-то твердое, но ничего не нахожу.

Мне становится страшно, потому что я чувствую в этой темноте чье-то присутствие. Я не знаю, как я это поняла, что здесь кто-то есть, но я пытаюсь идти. Я не знаю, продвигаюсь ли я хоть немного, ведь нахожусь в чем-то несуществующем, неосязаемом.

Темнота не отступает, но я сильнее ощущаю, что кто-то рядом. Я даже не знаю, это человек или какой-то предмет. Это будто само ведет меня. Идет мной, я только управляю своим телом.

Когда я почти добираюсь до нужного места, как мне кажется, я ощущаю какой-то необъятный, ужасный страх и кричу. Я не знаю, от чего и почему, но кричу.

Я просыпаюсь в поту, а вокруг меня стоят сонные Соединенные и смотрят на меня ошарашенным взглядом.

У Близнецов нет сна. В момент, когда их разъединяют, у них происходит что-то в мозгу, и они теряют способность видеть сны.

Когда мне лет в 7 приснился первый сон, я не сказала об этом Элоди. Уже тогда я понимала, что это не может быть признаком чего-то хорошего, и я не совсем такая, какая я должна быть. Тогда мне приснилось, будто я у какого-то моря и что-то ищу в песке. Но никак не могу найти. Роюсь, роюсь, но не нахожу. Пальцы уже болят, я плачу, но не могу остановиться. Я вырыла такую яму, что сама смогла бы в нее поместиться. Но в тот момент я проснулась и до сих пор не знаю, нашла ли я что-то в песке.

Где-то через год мне опять приснился сон. Там я была взрослой и искала свою маму в городе. Заходила в разные дома, но нигде ее не было. Я совсем отчаялась, но набрела на дом, в котором и жила все это время, пока была в зоне «Интеллект». Там меня ждала Элоди, и она сказала, что рада меня наконец найти. «Но ведь искала я», – ответила я ей тогда, и она сказала, что то, что ты ищешь, ищет и тебя.

Я тогда не поняла, что она имеет в виду, и не понимаю до сих пор.

Потом сны прекратились на несколько лет, и следующий приснился только тогда, когда мне было 16. Мне снилось, будто я на уроке, и меня спрашивают, не хочу ли я что-то рассказать. Я говорила, что нет, но меня просили все настойчивей и настойчивей.

Учительница все сильнее повышала голос, и в какой-то момент она начала кричать. Я до сих пор помню то ужасное чувство, когда на тебя кричат, и помню, как я искала выхода, что ответить, но все не находила.

До сих пор мне ничего не снилось.

Я вижу, что Белла смотрит на меня взволнованным взглядом и пытается улыбнуться. Я рада, что она не злится на меня. Я хочу извиниться, но она перебивает и говорит, что понимает, что я была взволнована. Я прерывисто ее обнимаю. Хотя мы живем не в зонах, мне непривычны более близкие отношения.

Я замечаю, что на прикроватной тумбочке лежит мазь. Белла объясняет, что она восстановительная, и ее сегодня утром принес Хан. Я вмазываю ее в участки тела и только сейчас замечаю, что мне все болит, правда, не критично.

Еще я чувствую себя отдохнувшей и выпившейся, а так же уверенной, так как знаю, что выкладываюсь на тренировках полностью. Это дает мне сил, и я встаю в хорошем расположении духа.

Мы уже знаем, где находится кафетерий, поэтому каждый идет туда по отдельности, а не так, как вчера, следуя за Дэниелом или Ханом. Когда мы с Беллой заходим туда, практически все уже на месте, но нет Наблюдающего, тренеров, инструкторов и остальных. Наверное, они завтракают в своих собственных комнатах, и мы должны будем ждать их в общей комнате.

Я была права, и когда мы завтракаем и идем в свою комнату, нас уже ждет Дэниел, Эльза с Ханом и какая-то девушка, которую я не видела прежде. Она очень высокая, и у нее рыжие волосы.

– Меня зовут Селеста София Дьюз, я буду отвечать за ваш контроль над страхом, – говорит она, и голос у нее такой тихий, что все молчат, чтобы услышать ее, – сейчас вам сложно понять, что я имею в виду, но скоро вы все поймете, и я надеюсь, что я пригожусь вам. Прошу всех на площадку.

Она мне нравится. Она милая, и у нее приятная манера общения. Не такая, как у Дэниела. Вспоминаю бой, становится неприятно на душе.

У Селесты ярко-рыжие волосы, которые выделяются в сером помещении. Кажется, что она – огонек. С волосами гармонируют зеленые глаза. У нее очень длинный нос и тонкие губы, но я не сказала бы, что это портит ее внешний вид. Черты лица у нее острые, щеки немного впадают, но выглядит это не болезненно, а как-то... аристократично. Она мне кажется красивой и милой. Когда она поправляет волосы, я вижу, какие у нее тонкие запястья. На них бол-

тается браслет из дерева, а, когда она поднимает руку, он слезает до локтя. Я удивлена, что здесь разрешены украшения. Вспоминаю о броши.

Мы все идем на площадку, но не останавливаемся.

– Медленным бегом в лес, – говорит Эльза, и они бегут впереди. Селеста и Дэниел тоже бегут, но немного в стороне. Они не тренеры, и не должны бегать с нами.

Мы добегаем до перекрестка тропинок, но не разворачиваемся, как вчера, а бежим направо. Я снова наслаждаюсь лесом. Трава шелестит под ногами, если я схожу с трапинки. Солнце пробивается через деревья, легкий ветер колышит листья. Пробегаем еще около ста метров и останавливаемся.

– Вам всю жизнь в зонах говорили о том, что вы должны преодолеть страхи. Сейчас у вас произошел сбой в мозгу после процедуры, и мы восстанавливаем ваше бесстрашие, – говорит Селеста. Что она имеет в виду?

Она достает из рюкзака на спине разные устройства. Я до сих пор не понимаю, что нам нужно делать. Кажется, ради интриги она выдерживает время.

– Вы должны залезть на одно из этих деревьев, – говорит она простую фразу.

У меня будто кровь заморозилась. Все эти деревья одинаковые по росту, и все они около восьми метров. Я понимаю, что вряд ли залезу на него.

– А это обычная тренировка, или нам это что-то даст? – слышу я чей-то вопрос.

– Иди сюда, – подходит к Селесте Дэниел и говорит, притягивает за локоть того, кто спросил. Это широкоплечий, полноватый парень. В нем я узнаю своего одноклассника, Сандриса Питерсона, – интересный вопрос. Хм-м. Значит того, что это поможет вам сдать экзамены, недостаточно? – Сандрис отступает и махает головой, – ладно. Тот, кто первый осмелится залезть на это дерево, если такой есть, получит дополнительные проценты к экзамену.

Все стоят, замерев. Лишние проценты? Они серьезно разрешат нам заслужить еще помощи? Никто не решается это сделать, и мои ноги сами начинают идти, не слушая крики разума.

– Я первая, – говорю я, и сама удивляюсь своей дерзости в голосе.

Дэниел смотрит на меня, а в глазах у него интерес. Он явно не ожидал, что первой окажусь я. Наверное, это странно, что все время именно я попадаю в эти ситуации. Бой, случай с Беллой...

– Хорошо, ночная Сьюзен, – он растягивает слова, будто смакуя их.

Я сначала не понимаю, что он имеет под словами «ночная Сьюзен», но потом меня озадачивает, что это он про ночную драку.

Селеста подходит ко мне и прикрепляет к руке какой-то аппарат.

– Он будет определять, как твое сердце бьется все это время и запишет ритм. Когда ты спустишься, мы определим, насколько ты боишься, – объясняет она.

– Будет какая-то экипировка? Или что-то другое? Вдруг я упаду?

– Нет, – говорит Дэниел, – ты должна преодолеть страх. И выжить. Но это необязательно в твоём случае, – он зло ухмыляется.

Я начинаю жалеть, что подписалась на это.

– Главное, не смотри вниз. Тебе просто нужно преодолеть этот страх. Если ты вызвалась первой, значит, ты самая бесстрашная. И ты лучше всех сдашь экзамен, – мотивирует и подбадривает она меня, – это не так сложно, как тебе кажется. Сделаешь это один раз, а второй и следующие будет уже легче. Вот увидишь, спустишься и подумаешь, что это ведь было не так сложно.

Я не отвечаю, и вздыхаю. Смотрю на Беллу и вижу, что она одними губами говорит «удачи». В глазах ее страх, но она старательно скрывает его, улыбаясь одними уголками губ. Мне нравится эта улыбка. Я улыбаюсь ей в ответ и хватаюсь за ветку, которая ниже всех. Она

массивная, но все равно совсем немного прогибается под моим весом. Боюсь представить, что будет, если я залезу на ту, которая у самой верхушки.

Хватаюсь за ветку, которая рядом со мной на уровне пояса, и залезаю на нее. Ветки в самом низу редкие, но на них не сложно залезть. Руки немного дрожат, но я стараюсь унять эту дрожь. Я хватаюсь за следующую ветку, и если не могу просто запрыгнуть на нее, то отталкиваюсь от ствола, или берусь за ветку, которая над моей головой и приподнимаюсь немного, а потом, поставив ноги на ствол, закидываю их на нее. Не думаю о том, как я выгляжу. Главное – продвигаться выше.

– Достаточно? – кричу я, когда на середине дерева.

– Ты издеваешься? – смеется Дэниел, – до конца.

Я не смогу залезть до конца. Или сорвусь, или ветка сломается, да что угодно может произойти. Но и сдать я не смогу. Надо мной будут смеяться, и я не получу лишние проценты к экзамену. Зачем я согласилась на это? Лишние проценты стоят жизни? Но я буду жалеть, если сдамся.

Ветки уже сильнее прогибаются надо мной, но я благодарна, что совсем немного вешу и мне легче забираться, чем Белле, например. Чем выше я поднимаюсь, тем сильнее у меня потеют руки и скользят по дереву. Я боюсь сорваться. Стоило бы давно сдать, но я не могу. Просто не могу.

В голове проносится вся моя жизнь, будто я уже упала и умираю. Стараюсь не давать волю страху, потому что, если дам, то уже не загоню его назад. Не смотрю вниз, просто не позволяю себе этого. Только концентрируюсь на каждом своем движении.

Я все выше и выше. Несколько веток ломаются, когда я только хватаюсь за них. Я вижу, что до верха осталось чуть меньше метра, и это дает мне сил. Слышу, как мне кричит Белла, что у меня все получится. Хватаюсь за последнюю ветку, и повисаю на ней животом. От мысли, что я это сделала, начинаю смеяться, хотя это дается с трудом. Кора деревьев впивается мне в кожу, и мне больно. Ветка впивается под ребра, больно даже дышать.

Сюзи, только не смотри вниз. Только не смотри вниз. Ты должна это сделать. Ты же сильная девочка, у тебя все получится. Ты это преодолешь, осталось совсем немного. А потом будешь смеяться, вспоминая свой страх. Ты сделаешь это, показав Дэниелу, что ты не просто девочка, которую он унизил.

– Теперь медленно слезай, – кричит мне Селеста.

Теперь предстоит еще и слезать. Вот черт. Наверное, это еще сложнее. Мне в любом случае предстоит посмотреть вниз.

Я нащупываю под собой ветку и ставлю на нее ногу. Слышу хруст, и она обрывается, я срываюсь. Хватаюсь на ветку, на которой повисала, и удерживаюсь. Она прогибается и грозит сломаться, после того, как я ее резко дернула вниз при падении. Потные руки меня подводят, но я держусь крепче. Подо мной нет ветки, мне некуда встать. Если я не найду решение прямо сейчас, я упаду.

Придвигаюсь ближе к тому месту, где ветка толще. Обхватываю ногами ствол. Кора обдирает мне кожу, но я прижимаюсь к нему и по одной обнимаю ствол руками. Я съезжаю по нему чуть ниже и кричу от боли. Майка протерлась, и на груди выступают ссадины, на ногах тоже. Руки уже давно все в крови.

Нащупываю наконец ветку и становлюсь на нее. Спускаться сложнее, чем подниматься. Спускаюсь на несколько метров вниз. Передыхаю какое-то время.

Ветка предательски наклоняется.

А потом я слышу ужасающий хруст.

Я падаю.

Глава 7

– Привет, – надо мной склоняется Белла, Дэниел и Селеста.

Я вижу дерево, значит, я до сих пор в лесу, и прошло не больше пяти минут с момента, как я упала. Руки дико болят, и я подношу их к своим глазам. Они все ободраны, какие-то кусочки коры застряли в коже. Ком подступает к горлу, и я поворачиваюсь на бок, прижимая колени к груди.

– Вот видишь, это кончилось, – ободряет меня Селеста. Она не права, я не хочу снова залезать на дерево и не считаю, что это легко.

К глазам подступают слезы, но я их быстро смахиваю, но делаю это так, чтобы их никто не видел. В зонах считалось, что это признак слабости.

«Если Близнец плачет, то это признак того, что он чем-то недоволен или огорчен, а это в свою очередь признак того, что он считает свою жизнь недостаточно хорошей. Слезы – признак плохих манер, которых у Близнеца быть не должно. (Пункт из правил поведения Близнецов)»

– Сколько процентов к экзамену я получила? – спрашиваю я у Дэниела.

– Два.

Я вскакиваю.

– Два?! – я надеялась на большее. Не знаю, на сколько, но не на два.

– Да, хотя ты должна радоваться, что хотя бы столько. На экзамене проверяются твои определенные знания, а не то, сколько ты заработала на какой-то ерунде.

– Ерунде? – я начинаю кричать, – а сам ты, когда у вас были тренировки, полез первый на дерево?

– Полез, – слышу я голос Селесты и оборачиваюсь, – не кричи, Сьюзен. Ты молодец. Ты сделала это. Разве остальное важно?

Она права. Я успокаиваюсь и отступаю. Я преодолела один из своих страхов. Это уже очень важно, я продвигаюсь к тому, чтобы хорошо сдать экзамен.

– Поздравляю, – улыбается мне Белла снова уголками губ. У нее такие белые зубы, они блестят на солнце.. Видно, что она волнуется, ведь им тоже нужно сейчас подниматься на деревья.

Думаю о том, может, кто-то так же восхищается моей улыбкой, как я Беллы? Было бы круто.

Селеста подходит ко мне и снимает аппарат. Когда смотрит, хмурит брови.

– Необычно. Когда ты только начала забираться, и, когда ты была на верхушке, у тебя несильно повысился пульс. Когда ветка обломалась, был скачок, но ты практически сразу успокоилась. Очень хорошо для только что Соединенного.

Мне разрешают больше не подниматься сегодня на дерево. Хан дает свою кофту, так как моя одежда практически вся порвана, и мое тело обнажено, и говорят, чтобы я шла к врачу. Там мне продезинфицируют раны, и я смогу переодеться.

– Эта партия одежды, как видишь, не особо крепкая, – говорит он, и я улыбаюсь.

В медпункте никого нет, но он открыт, и я сажусь на койку и жду.

Кабинет очень большой, но мебели здесь минимально. Длинная кровать на колесах, поверх простыни и подушки в белой наволочке целлофановая оболочка. Стол из красного дерева, на нем пару бумажек и стакан с ручками. Старый, громко кряхтящий холодильник и широкая полка рядом с ним. В ней разные папки, бумаги и прочее.

Я встаю, чтобы рассмотреть комнату. Здесь врача еще нет, и мне скучно. Я провожу пальцем по полке и замечаю, что на ней нет пыли. Хотя бы так, здесь все стерильно. Можно не волноваться, что в мед. пункте получишь какую-то заразу.

Когда подхожу к самому пустому месту комнаты, замечаю, что при моих шагах звук не такой глухой, как при других местах. Присаживаюсь на коленки и провожу пальцами по линолеуму. Под ним я нащупываю выпуклость.

– Там люк, через него можно выйти на улицу, – слышу я и вскакиваю.

Я не услышала, как он зашел, и испугалась. Я вижу, что он не злится от того, что я все осматриваю здесь.

– Мы тогда так и не познакомились. Я Генри Гаррисон, а тебя как зовут?

Он не такой злой, как мне показалось при встрече, и я улыбаюсь. Он хромотает к столу, я за ним подхожу и сажусь на стул перед ним. Единственное, к чему я не могу привыкнуть, так это к его глазу и шраму. Встреть я его в другом месте, никогда не подумала бы о том, что он врач.

– Я Сьюзен Харриган.

Я протягиваю ему руки.

– Как тебя так угораздило? – спрашивает он и лезет в полку за медикаментами.

– На дерево поднималась. Тренировка была.

– Я всегда считал, что они выбирают слишком жестокие задания, – он достает щипцами кусочки коры. Я щурюсь от боли. Голос у него приятный. Не смотря на него, могло бы показаться, что ему лет 25.

– Тогда зачем вы пошли работать сюда?

– Все не так просто, как ты думаешь, – криво улыбается он, и я вижу, что в глазах у него печаль. В одном глазе.

– Вы можете мне доверять.

– Никому нельзя доверять, так, Сьюзен? – говорит он и смотрит на меня. У меня на миг появляется ощущение, будто он знает, что со мной что-то не так.

Мы сидим несколько минут в молчании. Он дезинфицирует мне раны. На теле он мне разрешает сделать это самой, так как мне приходится раздеваться. Он отворачивается.

– Ты смышленная девченка, – говорит он, и я улыбаюсь, – думаю, я могу тебе рассказать. Выгонят из штатов, так выгонят. Мне уже нечего терять.

Когда я сдал экзамены, я тоже думал, что у меня все впереди. Мои результаты были 83 процента, одни из самых лучших. Я хотел стать врачом, меня всегда притягивала перспектива помогать людям. Но получилось так, что правительство заподозрило, что я Индивидуален. Но доказательств у них никаких не было. Только тот факт, что у меня были хорошие результаты. Мои проценты – одни из лучших. Они считали, что я опасен для общества, и отправили меня сюда. Здесь я, будто в камере заточения. Я практически не разговариваю ни с кем. Мечта о том, чтобы стать доктором, не исполнилась. Я сижу здесь и могу помогать по каким-то мелочам, с которыми может справиться любой другой.

Он с злостью кинул тряпку, которой протирал мою руку, на стол. Видно было, что не легко даются ему эти слова. Мне хочется подбодрить его, сделать что-то, чтобы ему стало легче. Но что?

– Все еще впереди, – это все, что я могу сказать. Мне не приходит в голову, как я еще могу его подбодрить.

– Нет. Скоро найдется новый врач, который решит здесь работать, и меня просто вышвырнут, как использованную одноразовую вещь, – он горько улыбается.

– Все еще впереди, – повторяю я.

Я благодарю его и говорю, что все еще может поменяться. Он кивает, и я вижу, что эти слова его подбодрили немного. Его один глаз потеплел.

Я решаю, что вернусь на тренировку. Если Белла все еще забирается, ей нужна моя поддержка. Но когда я подхожу к месту, несколько людей уже слезли, в их числе и она.

– Привет, – я подхожу к ней, – ну как ты?

Она улыбается, но я вижу в ее глазах страх, ее руки трясутся.

– Главное, это закончилось, – говорит она, и я сажусь рядом с ней.

Следующим слезает Элиот. Смотря на него, я не вижу больше слабого мальчика, которого пришлось вести к врачу. Он стоит с какими-то парнями и смеется, а я поверить не могу, что нам предстоит жить вместе после экзаменов. С этим человеком мне придется связать всю свою жизнь. Элоди говорила, что, пожив вместе, мы понравимся друг друга. Но я не верю.

Потом я замечаю Селесту, Хана, Эльзу и Дэниела и подхожу к ним. Отдаю Хану кофту и еле сдерживаюсь, чтобы не вцепиться Наблюдающему в глотку за его два процента, но решаю, что разберусь с ним позже. При остальных мне стыдно показаться глупой девченкой.

Потом все слезают, и я радуюсь, что они живы. Возможно, им легче перенести эту тренировку, так как их часть развивала это у себя в зоне. Селеста снимает аппараты измерения пульса и записывает данные у себя в тетради.

Начинается дождь, и Дэниел говорит, что дальше мы направляемся в тренировочный зал. Селеста уходит, когда мы в общей комнате, а мы идем туда, где я тренировалась две ночи.

Когда здесь не одна я, то в зале совершенно другая атмосфера. Соединенные ходят по нему и рассматривают место, а Дэниел идет в комнату с окном. Я понимаю, что это мой шанс. Захожу за ним, прикрываю дверь и складываю руки на груди.

– Какого черта? – спрашиваю его.

– Что? Это ты какого черта делаешь здесь? – он злится. Желваки двигаются, а я чувствую, как подступает ярость.

– Я полезла туда только из-за того, что хотела себе повысить результат на экзамене. Два процента за ободранную кожу и порванную одежду? – про то, что мне было страшно, я молчу.

– Послушай меня. Экзамен – это экзамен. Там проверяются твои данные, а не то, что ты заработала за какой-то мелочный поступок. Я обещал лишнюю помощь к экзамену, я исполнил свое обещание.

– С таким мерзким характером и тот, кто тебе предназначен, никогда с тобой не будет.

Он смеется и мне хочется ударить его. Я сжимаю руку в кулак.

– Успокойся, – говорит он, обходит меня и открывает дверь. Я ухожу, так и не ударив его. Что же я сделала ему?

В зале мы делаем то, что делали вчера на площадке. Результаты у меня оставляют желать лучшего.

Каждый раз, заходя в душ, я замечала под своими ногами волосы. Они оставались у меня не только на ногах, но и на всем теле. Не мои волосы, как доказательство того, что я не такая, как они.

Когда я захожу в комнату, я вижу, что Белла сидит на кровати и плачет. На коленях у нее локоны волос, а руками она заглушает плач. В свободный час никого нет в комнате, поэтому она позволяет себе выразить чувства.

Я подхожу к ней и сажусь на кровать. Она не реагирует, и я обнимаю ее за плечи.

– Ну же, не плачь, – она обнимает меня, и я чувствую, как намокает моя майка, но не обращаю на это внимания.

– Они ведь вырастут? – спрашивает она, выглядывая, – вырастут?

Они вырастают, и все Соединенные это знают, но Белла ищет в этом вопросе поддержку. Я вижу лысые отметины на ее голове. Я бы погладила ее по ней, но я так сделаю только хуже, тем более они так станут выпадать еще больше.

– Конечно, вырастут. И станут лучше, чем сейчас.

Эти слова ее не успокаивают, и я встаю. Она остается сидеть на кровати.

– Подожди немного.

Я выхожу в общую комнату, и думаю о том, где можно найти то, что я хочу. Нахожу это на складе, рядом с нашей комнатой. Возвращаюсь в комнату и подхожу к Белле.

– Что ты хочешь сделать? – спрашивает она, когда я показываю ей ножницы.

Они слабые и ржавые, но и они подойдут.

– Ты хочешь остричь мне волосы?

– Нет, ты сделаешь это сама, – я ей отвечаю и беру за руку.

Веду ее в ванную комнату, ставлю перед зеркалом и вкладываю в ладонь ножницы.

– Это твое решение. Ты можешь прямо сейчас признать себя слабой и остричь их, но ты можешь завязать их в хвост и признать, что рано или поздно они должны были выпасть.

У тех, у кого выпадают волосы, не всегда выпадают они полностью. Бывает, что поражены только некоторые части, и есть шанс спрятать то, что они выпадают, просто завязав хвост. Я хочу снова увидеть ее улыбку, но понимаю, что благодаря таким словам не увижу.

Белла медленно подводит руку с ножницами к волосам, но резко одергивает ее и кидает ножницы в раковину.

– Ты права, все еще впереди. Это не конец. Всего лишь волосы выпадают, – горько говорит она, но я вижу, что у нее появилась надежда в глазах.

Я улыбаюсь, и мы обнимаемся. Я понимаю, что в наших отношениях есть искренность, хотя я знаю ее пару дней. Мы даже еще не подруги, но я доверяю ей. Это – одно из самых важных пунктов в отношении людей. Доверять друг другу. Без доверия вы не знаете его, не верите ему.

Я жалею, что не могла больше доверять Ким. Мне было важно соблюдение правил. Я ей не рассказывала о своих странностях, не говорила о том, что чувствую. Но, оказывается, верить кому-то... так приятно.

Но здесь я снова противоречу себе. Я пока не готова рассказать Белле о том, кто я такая. Но я знаю, что когда-нибудь я смогу ей рассказать. Когда-нибудь, когда нам не будет угрожать опасность.

Мы опять попадаем на урок к Веронике Датрис. Волосы у нее заколоты в пучок на затылке, а одета она в синий, строгий костюм до колен. По периметру комнаты расставлены зеркала, а столы, за которыми мы сидели на прошлом уроке, унесли. Мы все стоим у двери и не знаем, что делать и куда идти.

– Я рада видеть вас снова, – говорит она. Ее пухлые руки у нее заплетаются в узел ниже живота, ногти острижены под корень, – я хочу, чтобы каждый из вас подошел к зеркалу и выбрал то, которое ему по душе.

Мы с Беллой выбираем два одинаковых, стоящих рядом. Все зеркала практически не отличаются. Наши во весь рост, с позолотой по краям.

– Сегодня вы научитесь общаться с самими собой, – говорит она и улыбается взглядам Соединенных, – это не так сложно, как вы думаете. Скажите что-то себе. Поздоровайтесь.

Это кажется смешным, но я здороваюсь со своим отражением.

– Сегодняшний урок у вас будет индивидуальным. Вы должны взять по планшету, интерактивной ручке и записывать данные, – мы с Беллой переглядываемся, но идем к большому столу у Вероники и берем по интерактивному планшету, – Ваша задача в том, что вы должны рассказывать что-то своему отражению. Не имеет значения, что. Но трудность может возникнуть в дальнейшем. Вы должны замечать свои черты характера. Какие-то повадки, привычки. Вы должны изучить самих себя. Это нелегко, но кому живется просто? Результаты записывайте на бумагу. Это поможет вам развить внимательность и узнать себя.

Мне кажется, это интересно. Во всяком случае, это поможет мне. Я замечу за собой какие-либо повадки, которые могут меня выдать. Я включаю планшет. Редко с ними общаюсь, поэтому чувствую себя неуютно.

– Хм-м. Как ты? – спрашиваю я у второй Сьюзен.

Замечаю, что Белла смотрит на меня и улыбается. Тыкаю ее пальцем в бок, и она смеется. Наверное, со стороны это выглядит глупо.

– Сьюзен, ты такая растрепанная, – говорю я тихо и поправляю волосы, – Что я могу тебе рассказать? Все идет своим чередом. Встреча Близнецов, экзамены у нас, Соединение...

Я вспоминаю, что не знаю совсем, как сдала экзамены Молли. Мне не удалось в наши встречи узнать об этом у нее. Мне не удалось узнать вообще ничего о ее жизни.

– Сейчас мы проходим процедуру Восстановления. Я делаю все, чтобы в конце хорошо сдать экзамены, – я замечаю, что когда вру или недоговариваю, локоны волос завожу за ухо, даже если они не выбиваются, но не записываю это в планшет, – здесь сложно. Моя часть из зоны «сила», видимо, не так хорошо занималась, поэтому мне сложнее восстановиться.

Я знаю, что никто не слышит меня, но все равно не решаюсь говорить правду. Когда не знаю, что говорить, замечаю, что обхватываю то руку, то талию.

– Мне здесь нравится. Я чувствую себя свободной, – и это правда. Улыбаюсь своему отражению и вижу, что, когда улыбаюсь, у меня спокойное выражение лица. Только губы выдают, что у меня хорошее расположение духа.

Все, кроме лжи, я записываю. Даже когда пишу, замечаю за собой, что немного хмурюсь при чем-то абсурдном, а когда не знаю, что записать, у меня дергаются губы, будто я причмокиваю.

– Скажи, Сьюзен, ты когда-нибудь боялась чего-то? – спрашиваю я, но не собираюсь отвечать правду, – да, – слова выходят сами собой, – я боюсь. Мне страшно, когда я в полной темноте. Это из-за того, что я не могу контролировать ситуацию. Я ничего не вижу – и это меня пугает. Мне страшно, что кто-то может узнать о моих странностях. Страшно, что меня не примут из-за них. Все мы зависимы от общества, и мне страшно, что я останусь без него.

Я одергиваю себя, когда понимаю, что слишком много рассказываю правды. У меня покраснели щеки, горят глаза. Я решаю, что будет правильным записать об этом в планшете. Моя искренность польстит правительству.

Я смотрю по сторонам. Белла с интересом рассказывает что-то отражению, отчаянно жестикулируя. Если бы нам предложили такое задание в школе, все бы не поняли его. Но здесь другая атмосфера. Даже я здесь стала раскрепощенней.

Я начинаю корчить рожи зеркалу. Рассказывать мне ничего не хочется, но я решаю, что запишу свои черты при разных эмоциях.

– Что это? – смеется Белла, когда я стараюсь изобразить злость. У меня ничего не получается, и от этого я злюсь по-настоящему.

Мне нравится наблюдать за собой. Это интересно, замечать за собой что-то новое, видеть свою реакцию на то, что ты видишь или тебе говорят. Если бы у меня не был такой прямой нос, или глаза не сидели бы так близко, или еще куча недостатков, возможно, я была бы симпатичной. Но красивый человек не всегда добрый.

Я не хочу врать, что не встречала красивых людей и душевно, и внутренне. Такая Белла, Элоди, Шон и Шейн. Тамолодая девушка, которая помогла мне подняться, когда я упала с лестницы еще в детстве.

– Не хочешь прогуляться сегодня? – спрашивает Белла, вдоволь насмеявшись. Я смотрю в окно и замечаю, что дождь почти кончился. Небольшие капли бьются о стекло, а потом растекаются по нему. Еще не темнеет, но на улице мрачно.

– Хорошо, – я соглашаюсь все равно. Будет лучше, если у меня будет, кому доверять.

Когда заканчивается время, мы сдаем планшеты. Вероника аккуратно складывает их в стопочку, и я завидую ее перфекционизму. Для меня не имеет значения, как застелена кровать или сложена посуда. Но иногда мне не хватает усидчивости, чтобы до конца доделать что-то.

Мы с Беллой не заходим в комнату, а сразу идем на улицу. Дождь уже закончился, и трава блестит от капель. Дует легкий ветер, но снаружи все равно тепло. Я снимаю обувь и становлюсь босыми ногами на землю.

– Никогда не разувайся после дождя. Вся земля холодная, и ты простудишься, – всегда говорила Элоди. Но сейчас ее нет, и я могу себе позволить насладиться свежестью.

Ноги немного застревают в земле, и ходить немного сложнее, чем обычно, но это совсем не мешает. Белла тоже разувается. Обувь мы оставляем у входа.

– Что ты чувствуешь? – интересуюсь я у нее.

– В смысле?

– Что ты ощущаешь? После процедуры. Ты понимаешь, что ты делишь с кем-то тело, или нет? Есть что-то особенное, что происходит с тобой, но не происходило раньше?

– Ты же сама можешь ответить на вопрос, – улыбается она.

– Я думаю, у нас разные чувства.

– Наверное, ты права, – вздыхает, – но я ничего не чувствую физически. Единственные ощущения, так это то, что я все время думаю, как это происходит. Внутри меня сидит моя вторая часть и дает мне силы? Или я уже есть общее что-то? Не могу в это поверить.

Она нервно смеется. Когда она это делает, она немного откидывает голову назад. Зубы у нее белые, как маленькие облака. Наверное, чтобы были такие, надо чистить их три раза в день.

– Я чувствую, что во мне какой-то клад, что ли. Но я не могу его открыть. Во мне будто большая сила, но я не могу сразу ей воспользоваться. И меня это бесит. Будто видишь рядом с собой то, что давно хотел, но не можешь дотянуться! – она фыркает.

Я делаю вид, что понимаю, но это совсем не так. Мне даже нет, до чего дотягиваться. Мне придется добиться всего своими силами, и неизвестно, получится ли у меня.

– А ты что чувствуешь? – этот вопрос ставит меня в тупик.

– Примерно тоже самое, что и ты, – отвечаю я, но вижу, что ответ ее не удовлетворил, – глупое чувство, когда понимаешь, что у тебя вдруг появилось что-то еще, кроме того, что ты учил всю жизнь. Я чувствую свободу в действиях и рада этому.

Мы доходим до забора, и я замечаю, что наверху сетка. Я слышу легкое жужжание, почти незаметное, но оно есть. Роюсь пальцами в земле и поднимаю камень.

– Если ты хочешь узнать, заряжен ли забор, то так не узнаешь. Надо кинуть какую-нибудь проволоку, чтобы закоротило, – вдруг говорит Белла, – но можешь не напрягаться. Я и так знаю, что это так.

Меня это пугает. Я не понимаю, чего опасаются правительство, ставя забор, заряженный током, ведь в любом случае Соединенный, что уйдет из зоны «Восстановление», будет считаться нарушившим правила и будет отправлен за пределы зоны.

Не бывает случаев, что пропавших не находили. В Новом Времени полностью искоренили случаи, когда люди живут на улице. Если такие есть, значит, они не прошли процедуру и прочее, а таких ликвидируют или отправляют за пределы. У других им спрятаться невозможно, они все контролируются. Но они это преподносят по-другому.

«В данный момент идет повышение мер безопасности в городе. Мы стараемся только ради своих жителей, чтобы ничего не угрожало их жизни, и они чувствовали себя в любом месте комфортно. (Отрывок из речи Бенджамена Андерсена)».

– Ясно, – отвечаю я Белле и кидаю камень под ноги. Она улыбается.

Мне нравится, что она все время улыбается. В такие моменты ты чувствуешь, что человек тебе родной, если он доверяет тебе такую важную вещь, как улыбку.

– А кто тебе предназначен? – спрашивает Белла, и я краснею. Молчу, надеюсь, что она забудет свой вопрос, но она его повторяет.

– Элиот, – вздыхаю я и смотрю на небо.

Оно покрыто серыми тучами, но в некоторых местах есть проем, в которые пробивается солнце. В такие моменты оно светит в глаза. Люблю, когда так происходит. Я чувствую такую приятную боль в глазах, и ощущение, что солнце наполняет меня жизнью.

Впервые за какое-то время я позволяю себе задуматься о том, что будет у нас в будущем. Я не хочу быть с этим человеком всю жизнь. Приходить вечером с работы и видеть его. Он будет сидеть и читать книгу, которая мне не нравится и попросит на ужин ту еду, которую я терпеть не могу. Интересно, что чувствуют другие? Они тоже думают, что не хотят прожить жизнь с этим человеком, или они испытывают какие-то приятные чувства?

– Ого, – восклицает Белла, – ничего себе. Повезло же, – говорит она, но когда смотрит на мой вид, смеется, – или не повезло. Он симпатичный, не скрою. Но если сердце к человеку не лежит, то это не твоя вина.

– Ладно, – через какое-то время отвечаю я, – а тебе?

– Рассел Скотт.

Я припоминаю, что у него было около шестидесяти процентов результат на экзамене, и он учился в параллельном классе. Он долговязый, худощавый, но у него после Соединения появились мышцы, и он стал выглядеть мужественнее. У него короткие темные волосы и узкое лицо. Если присмотреться, можно заметить, что у него почти не видно зрачка из-за темноты глаз.

Я представляю, как они бы смотрелись вместе с Беллой. Она высокая, но он выше ее на пол головы. Она крупнее, чем он, но это не выглядит плохо. Они гармонируют друг с другом, как белый шоколад с черным или кофе с молоком.

– А вот и тот, кого мы вспоминали, – говорит Белла, и я сразу думаю, что она имеет в виду Рассела, но смотрю в сторону и вижу, что к нам идет не он.

– Привет, Элиот, – говорит она, когда он подходит, – я забыла сделать домашнее задание. Я пойду, – я немного ошарашена такой резкой сменой настроения. Белла заговорщески смотрит на меня, я отправляю ей молнии глазами.

Она специально сделала так, чтобы оставить меня с Элиотом.

– Хорошо, – нехотя соглашаюсь я, и она исчезает за тяжелой дверью общей комнаты.

Только когда она уходит, вспоминаю, что у нас здесь нет домашних работ, и мысленно злуюсь на нее.

– Как ты? – спрашивает он, и я удивляюсь, что он вдруг решил наладить отношения.

– Хорошо, а ты?

– И я хорошо.

На этом наш диалог заканчивается. Я все больше понимаю, что нам даже поговорить не о чем, и начинаю его рассматривать. Он ростом, как Белла. У него большие зеленые глаза и светлые волосы. Ресницы длиннее, чем у меня. До Соединения он был довольно крупным, но сейчас он выглядит еще более спортивным. На лице до сих пор заметны последствия того, что ему было нехорошо. Круги под глазами, бледность, легкая испарина на лбу.

Мы проходим по тропинке вдоль забора, но мне уже скучно с ним.

– Это так необычно, когда ты соединен с кем-то, – вдруг говорит он, – то есть, не соединен, а ты состоишь из двух частей. Я не хочу сказать, что это плохо. Нет, наоборот. Так интересно... Что получаешь то, что хотел все восемнадцать лет.

– Да, ты прав, это интересно.

– Но тебе же этого не понять, да?

Он смотрит на меня, и я сглатываю.

– Что? Ты о чем?

Он таинственно улыбается и не отвечает. У меня появляется ощущение, будто мне душу вскрыли и рассмотрели, и поднимается от пяток к макушке. Элиот подмигивает и разворачивается. Я хочу его остановить и спросить, что он имеет в виду, надеюсь, что не то, что я одна в этом теле, но мои ноги будто приросли к земле. Он уходит, а я так и остаюсь стоять на месте.

Когда я возвращаюсь в комнату, уже почти десять часов вечера. Отбой только в одиннадцать, но все ложатся раньше, чтобы восстановить свои силы после процедуры, и лампочка горит только над моей кроватью, хотя я помню, что в последний раз, когда была здесь, выключала ее.

Я подхожу и сажусь на кровать. Белла уже тихо сопит, и я не хочу ее будить, чтобы сказать пару ласковых слов за то, что она ушла. Я перегибаюсь через кровать и шелкаю ее в нос. Она хмурится во сне. Когда я тянусь обратно на кровать, вижу, что ее полка закрыта не до конца. Борюсь с мыслями о том, что я лезу в чужую личную жизнь, я заглядываю в нее. Там все перерыто, но ничего особенного нет. Про себя я отмечаю, что никогда не замечала за ней неряшливости, но запикиваю эту мысль глубоко внутрь головы и ложусь спать. Сегодня я слишком вымоталась и не иду в тренировочный зал. Когда голова едва касается подушки, я засыпаю.

– Подъем, – нас снова будит Хан, и я рычу во сне. Мне хочется еще поспать хоть немножко, но я опасаясь, что он опять заберет у меня одеяло, и я поднимаюсь, выставив руки вперед:

– Встаю, встаю, – говорю я, но про себя замечаю, что мой голос не внушает доверие.

Он уходит, и мы все идем в душ. Там я освежаюсь и чувствую себя лучше, но постепенно приходят воспоминания о том, что вчера сказал Элиот, и я стону от еще одной проблемы. Он не должен знать. Если он имел в виду то, что я... другая, то ему не составит труда рассказать это остальным.

Если я просто не сдам экзамены, то я останусь жива, хоть и за пределами штата. Если правительство узнает, что я Индивид, то они просто ликвидируют меня. Я даже знать не хочу, как. Я хочу остаться в живых, и это моя цель.

Когда мы заходим в общую комнату, там снова стоят Дэниел и наши инструктора. Мы вместе идем в кафетерий, там Наблюдающий просит минуту молчания, и мы все садимся на свои места.

– Сейчас к каждому подойдет Селеста или Закари, с ним вы познакомитесь попозже, и с помощью укола введет в вас препарат, – говорит он, – я прошу не волноваться и не устраивать истерики. Он поможет вам быстрее восстановиться после Соединения.

Когда ко мне подходит молодой парень со светлыми волосами, я протягиваю ему руку. Он вводит препарат в предплечье, как вводят прививки. На руке осталось маленькое красное пятнышко.

Закари невысокий и загорелый, уголки глаз у него сильно наклонены вниз, грубые, мужские руки и низкий голос, но выглядит он совсем непримечательно. Если бы я встретила его в другом месте, не узнала бы.

Когда я поела, я смотрю по сторонам. Замечаю, что Элиота здесь нет, но почему-то не хочу думать об этом. Мозг старательно засовывает мысли о нем вглубь моего сознания, и я так не хочу вспоминать его. Подкрадывается мысль, что это странно, но она сразу пропадает так же быстро, как и появилась.

После завтрака мы снова бегаем в лесу. Хоть это только третий раз, но я чувствую себя намного увереннее, и рассматриваю окружающую природу. Сквозь ветви деревьев просачиваются лучи солнца и падают на лицо, под ногами хрустят упавшие листья.

Сегодня мы занимаемся в тренировочном зале. Хан и Эльза расставляют нас в шеренгу, Дэниел идет, как обычно, за окно. Парни и девушки стоят вместе, поэтому я понимаю, что сегодня будет смешанная тренировка. Эльза уходит к Дэниелу.

– Сегодня пройдет первое маленькое испытание, оно в ваших результатах ничего не изменит. Оно нужно для того, чтобы определить ваши слабости и посмотреть, как вы восстанавливаетесь, – говорит Хан, – сейчас разминаем ноги.

Мы с Беллой переглядываемся. Я задаю немой вопрос «Что мы будем делать?», но она пожимает плечами. Мне интересно, но я не осмеливаюсь спросить у самого Хана. В конце концов, скоро мы все узнаем.

– Размялись? Я хочу, чтобы вы расконцентрировались в три равные шеренги и встали в конце зала. Прошу, чтобы не было так, что в одной шеренге сильные, а в другой слабые.

Я хочу, чтобы мы с Беллой были вместе, но Хан выбирает трех капитанов, которые будут выбирать тех, кто будет на их стороне.

– Сюзен, – мое имя третьей, и я иду к низкорослому, крепко сбитому парню. В нем я с трудом узнаю своего бывшего одноклассника, Дигари Горна.

Он очень умен, это я помню по вечно поднятой руке на уроках и его результатам на разных тестах, а так же экзамене. У него очень бледная кожа, но это не портит его, а гармонирует с его темно-рыжими волосами. У него приятное лицо, большие зеленые глаза и пухлые губы. Он все время гладко выбрит, но сейчас я замечаю на его лице легкую щетину. Она придает ему мужественности.

Когда я подхожу, он мне улыбается, и я улыбаюсь в ответ. Следующей выбирают Беллу, и она идет к темнокожей девушке с орлиным лицом. У нее длинный крючковатый нос и вытянутая челюсть. Она мне сразу не нравится, хотя я и понимаю, что нельзя судить о человеке по внешности.

Все разделены на группы, и мы идем к концу зала. Там белым мелом начертаны широкие дорожки, мы становимся у их изголовья. Сейчас будет соревнования, суть которых будет – пробежать первым.

– Все становятся в линию, а первые люди бегут. Сейчас вы сами можете выбрать, за кем стоять, но потом менять расположение и соперника запрещается. Когда добегите, разворачиваетесь и идете обратно по нулевой дорожке, – громко говорит Хан.

Хан мне кажется добрым. Даже когда он кричит «подъем!» сердитым голосом, все равно его слова не воспринимаются, как сказанное со злостью. И внешность у него милостивая. Широкая челюсть, большие карие глаза и морщины от носа к кончикам губ, даже когда он не улыбается. Он выглядит старше своих лет.

Никто не решается бежать первым. Я думаю, что мне стоит опять вызваться первой, и подхожу к началу дорожки, но меня опережает высокая девушка. У нее длинные, светлые волосы. Они настолько белые, что кажется, что она поседела, или их облепил снег. Во всяком случае, выглядит она ослепительно. У нее вытянутое лицо и кошачьи глаза, кажется, что оранжевого цвета.

– Я первая, – говорит она. У нее звонкий голос, как колокольчик.

Остальные группы тоже выбирают того, кто побежит первым. Во первой группе это девушка, которая вызвала Беллу, а во второй высокий, темнокожий парень. В нем я тоже узнаю своего бывшего одноклассника, Моргана. Фамилию я не смогла вспомнить.

– Сейчас мы с Дэлом, – говорит Хан, и я понимаю, что он так называет Дэниела, – немного поменяем места. Он будет стоять в конце дорожек и фиксировать время, за которое вы пробежали. Я буду стоять около них и отмечать ваши ошибки при беге. Я больше занимаюсь тренировкой Соединенных, поэтому мне легче заметить их, чем Дэлу. Еще, если возникнет такая ситуация, что вы прибежали с соперником в одно время, мне будет легче заметить со стороны, кто прибежал раньше.

Мы все стоим у начала дорожек живой цепью, первые стоят чуть ближе к ним. Они готовы к бегу и ждут, когда Дэниел объявит, что можно бежать. Он поднимает руку. Я вижу, как в замедленном кадре, как она опускается.

Я все еще надеюсь, что Соединенные не восстановились. В основном, на это уходит около двух недель, как раз до первого испытания, дальше они чувствуют себя лучше и возвращают только остатки сил.

Первой прибегает девушка из нашей шеренги. Она идет по нулевой дорожке, радостно улыбаясь и держа руки вверху в знак победы в этом маленьком сражении. Следующими идем я, парень с длинными волосами и... Белла.

– Вот черт, – думаю я и хочу поменяться с кем-то местами, но вспоминаю слова Хана. Не хочу выглядеть глупой или слабой перед остальными. Да и сдаваться не в моих правилах.

Белла смотрит на меня и улыбается. Ее не пугает, что мы должны бежать вместе. То есть, мы соперники. Мне не нравится то, что я должна пытаться опередить человека, с которым у меня завязалась дружба.

«На старт», отмечаю я для себя в голове, когда Дэниел поднимает руку.

Внимание.

В моей голове разом помещаются все страхи. Я не знаю, почему я переживаю, это происходит будто на подсознательном уровне. Смотрю на Беллу, Хана, Дэниела. Для них, возможно, это ничего не значит. Но у меня будто все мое тело помещается в сердце, я чувствую каждое биение. Такое ощущение, что каждый может его услышать, даже не вслушиваясь. Кровь клокочет в ушах. Все будто замедлилось в многие разы, я сконцентрирована только на руке Дэниела.

Марш.

Я срываюсь с места. Ноги будто одеревенели от страха, но я прогоняю его глубоко в голову и набираю скорость. Чувство, будто ветер бьет в лицо, но понимаю, что его здесь нет. Полностью отдаюсь бегу, пытаюсь делать шаги на столько большими, сколько могу, и откидывать свое тело на столько быстро и далеко, сколько у меня получается. Не смотрю по сторонам, боясь увидеть, что Белла или длинноволосый парень уже далеко впереди. Я сконцентрирована только на одной точке, руке Дэниела, которая держит какое-то маленькое устройство.

Мне страшно, что я могу быть последней. Это не изменит ничего в моей репутации в коллективе, не повлияет на мои результаты на экзамене. Я боюсь, что разочарую саму себя. Боюсь, что это подорвет во мне веру в то, что я смогу выжить.

Рука Дэниела катастрофически медленно приближается. Такое ощущение, что 70 метров я бегу около часа. Я беру всю свою силу воли в кулак, ведь именно она поможет мне бежать еще быстрее.

Я не замедляю бег к концу и пробегаю мимо Дэниела на такой же скорости, на которой и бежала. Он находится слишком близко, но я лишь волей случая не задеваю его. Я понимаю, что если у моих соперников не был меньший остановочный путь, то я первая.

Оборачиваюсь и вижу Беллу. Она наклонилась и упирается руками в колени. Тяжело дышит. Мне тоже с трудом дается дышать, но я пытаюсь успокоить себя и дышу медленно и спокойно. Чувствую, что кровь прилила к лицу, а я вся вспотела. Вытираю руки о леггинсы и пытаюсь успокоить сердце.

Когда возвращаюсь, стараюсь проходить мимо Дэниела. Он держит в одной руке, которой взмахивал, устройство, а в другой тонкую пластинку, но не вижу своих результатов.

– Молодец, – хрипит Белла, когда мы возвращаемся по нулевой дорожке, – я не ожидала, что ты прибежишь первой.

Этого мне хватает. Я знаю, что прибежала первой, и я горда собой. У меня будто буря поднимается к груди, и я кричу «Да!» на весь зал. Это происходит непродуманно, но я в шоке, что способна на такое. Мне нисколько не стыдно, хотя приемные родители учили меня скромности. Здесь мы все чувствуем себя свободными от наших запретов.

– А ты? – вдруг я вспоминаю, что не спросила у Беллы про ее результаты.

– Третья, – отвечает она, но я не слышу в ее голосе сожаления.

Я хлопаю ее по плечу, и она одобряюще улыбается. Снова кончиками губ. Я просто таю от этой улыбки.

– Ничего, у меня еще будут возможности надрать вам задницы, – говорит она, и мы смеемся. Я смеюсь вместе с ней и чувствую, что я счастлива, хотя все время только и думала о том, чтобы выжить.

Как пробегают остальные, я не смотрю. Я пытаюсь отдышаться и прийти в себя от выигрыша. Когда все забеги кончаются, я медленно подхожу сзади Дэниела. Я хочу увидеть, какие у меня результаты, но не хочу, чтобы он меня заметил.

Он сверяет результаты в тонкой пластинке с результатами на навороченном секундометре именно в этот момент. Он круглый и с кнопкой на его краю, чтобы было удобно надавить на нее, когда кто-то прибегает. Вверху отмечено, какой забег имеет данные результаты. Я не понимаю, как он помнит, кто был в каком забеге, но смотрю на пластинку и вижу, что на ней отмечены имена и рядом номер. Я понимаю, что он означает то, какими по счету мы бежали.

Я вижу, что мой результат в пластинке 8.65 секунд и хочу уйти, но мой взгляд по случайно задерживается на секундометре, и как раз в этот момент он проверяет наш забег. На нем моей результат 8.59 секунд. Я понимаю, что все равно прибежала первой, но во мне поднимается какая-то несвойственная мне обида.

Я хватаю его за плечо и разворачиваю к себе. Сначала он смотрит на меня непонимающим взглядом, но потом его брови хмурятся, и он хочет что-то сказать, но я его опережаю.

– Мой настоящий результат 8.59 секунд, но ты записал, что 8.65, – я констатирую это, как факт. Я сначала стараюсь говорить спокойно, но у меня не получается, – почему ты все время достаешь меня? То драка в первую ночь, то чуть не убил Беллу, сейчас написал неправильные результаты!

Я понимаю, что скорее всего веду себя, как ребенок, ведь вполне возможно, что он просто ошибся, но что-то мне подсказывает, что это не так.

– Сумасшедшая, – криво усмехается он и отворачивается. И все.

Я решаю не спорить с ним. Все равно я первая, это ведь самое важное. Или нет...

Я складываю руки на груди, но ухожу. Становлюсь рядом с Беллой. Хан с Дэниелом становится перед остальными, он хлопает в ладоши, и они отвлекаются на них.

Я очень зла, хорошее настроение будто улечивается. Почему Дэниел все время хочет сделать мне хуже? Что же я ему сделала, раз он так меня ненавидит?

– Судя по вашим забегам, я могу с уверенностью сказать, что многие из вас забыли, что значит бегать, – говорит Хан. Он пальцами одной руки касается пальцев другой, образуя пирамиду.

Я пытаюсь вспомнить ошибки, которые я могла допустить, когда бежала, или какие-нибудь советы, которые давал Хан на пробежках, которые я не выполнила, но не вспоминаю. Он объясняет нам, какие у нас были недочеты. Когда он говорит, что многие из нас смотрят под ноги, когда мы бежим, но:

– ... кроме Сьюзен, – при этих словах я краснею.

Потом Дэниел объявляет результаты.

– ... Белла, 8.7 секунд, Льюис 8.67 секунд, Сьюзен 8.59 секунд..., – я довольна собой. Про себя замечаю, что он сказал мой правильный результат.

Слушаю все результаты и подсчитываю, что я на 9 месте. Прямо подо мной девушка со светлыми волосами, и я почему-то радуюсь, что у меня результат лучше.

– К экзаменам ваш результат должен быть меньше семи секунд, – говорит Хан, – сейчас вы еще не адаптировались, поэтому результат намного хуже. Но все еще впереди.

Значит, на две с половиной секунды меньше. Я не смогу. Остальные еще вернут силы, но я не смогу за примерно три месяца натренироваться настолько.

– Сейчас «адский круг», – говорит Дэниел. Я не понимаю, что он имеет в виду, – девушки и юноши отдельно.

Я стою на месте и не двигаюсь, ожидая того, что он объяснит, что это такое, но он молчит. Все делятся на две группы и отходят в разные стороны.

– Ты чего стоишь? – спрашивает Белла, – ты что, никогда в адский круг не играла?

– Играла... Просто забыла, – отвечаю я, стараясь, чтобы звучало правдоподобно

Судорожно вспоминаю все виды спорта, которые могла знать, все игры. Но не могу такой припомнить. Во всяком случае, звучит устарающе.

– Видимо, процедура на тебя подействовала чересчур ошеломляюще, что ты забыла, что это такое, – смеется она, и мы подходим к компании девушек, – такое невозможно забыть.

Они расходятся по кругу и присаживаются.

– В общем, все становятся в стойку, – начинает она, но видит, что я не понимаю, – ну опираются руками, чтобы отжиматься. В кругу, и каждая девушка по кругу отжимается один раз. Например, я отжалась. Потом ты, и так далее. Потом круг начинается заново, и надо два раза отжаться. Понятно?

Я киваю. С отжиманием у меня идет неплохо, я думаю, это легче, чем подтягивания или отжимания на брусьях. Мне это кажется не таким сложным, пока не появляется одна проблема. Белла становится в стойку, за ней я. Она говорит:

– Ну только лечь нельзя, но это и так понятно.

Я чуть не падаю от этих слов. Я думаю, что сразу устану с такими правилами.

– Все встали, – слышу я голос Дэниела, – теперь все наоборот. Хан засчитывает результаты, кто сдался первым, я и Эльза смотрим за техникой. Первым отжимается тот, у кого в забеге самый лучший результат. У парней Марк, у девушек Мадлен. Отжимаемся по часовой стрелке. На счет три начинаем отжиматься. Раз...

Не знаю, как у остальных, но я уже хочу отдохнуть.

– Два...

Он тянет слова, как мед. У него приятный голос, только слишком громкий.

– Три.

Между мной и девушкой, которая прибежала первой среди девушек, два человека. Та светленькая и Белла. Мадлен отжимается. Ей дается это с трудом, и я вижу, как напрягаются ее мышцы на руках. Девушке со светлыми волосами не так сложно. Смотря на нее, я восхищаюсь. Она сильная, но совершенно не выглядит мужественно. У нее тонкие руки, талия, но при этом она не обделена формами. В отличие от некоторых...

Белла отжимается хорошо. За ней я. Мне тяжело, но я не чувствую, что у меня совсем нет сил.

– Задницу ниже, – слышу я голос Дэниела. Он опускается рядом и смотрит, как я пытаюсь выровняться, – еще ниже.

Я слышу, как он рычит от злости и берет одной рукой над ней, а второй под ней и самостоятельно опускает ее на нужное расстояние. Я злюсь и мне хочется встать и ударить его, но я терплю, потому что если сдамся, то проиграю испытание, хоть оно и не засчитывается.

Пока до меня снова доходит очередь, я успеваю устать. Я вижу, что Мадлен еле держится, но светленькая чувствует себя хорошо, как и Белла. Я отжимаюсь два раза, но мне это дается легче, чем Мадлен. На третьем кругу она сдается и падает, как и две девушки, одна темнокожая с завитыми волосами, а другую почти не отличишь от парня, у нее короткие волосы и мужские черты лица. Ее зовут Эмми Диего, она училась в моем классе.

– Минус один процент тем, кто сдастся до пятого круга, – вдруг говорит Дэниел, и я взрываюсь внутри. Как он смеет?

– Как только мы закончим круг, я тебе зубы выбью, – шиплю я.

– Ой, у тебя нога подкосилась, – говорит он и несильно толкает меня. Он смеется.

На четвертом кругу сдаются еще три девушки. Одна рыжая и выглядит, как ребенок, ни за что не скажешь, что ей восемнадцать. Другая брюнетка и тоже темнокожая, третья с впалыми скулами. Я вижу, что светленькой и Белле уже тяжело, но мне еще тяжелей. Хотя человеку, который никогда не занимался спортом, надо радоваться тому, что я еще продержалась.

Я чувствую, что руки деревенеют и практически не держат меня. Они трясутся так, будто я несколько часов носила над головой кувшин с пятью литрами воды. Пот стекает по лицу и попадает в глаза, некоторые капли падают на пол. Я начинаю обещать себе ерунду за то, что буду держаться. Если пройду третий круг, то позволю себе ударить Дэниела. Если пройду четвертый круг, позволю себе погулять допоздна с Беллой и прочее.

– Про задницу не забывай, – слышу я голос Дэниела, и хочу накричать на него.

– Держись, – говорит мне Белла сквозь зубы. Я ничего не отвечаю.

Когда начинается пятый круг, я искренне хочу упасть. Осталась только я, Белла, светленькая и четыре девушки. Я не знаю, на что рассчитывал Дэниел, но до пятого круга сдалось больше половины.

Белла отжимается, и я в душе радуюсь за нее. Я отжимаюсь первый раз. Глаза застилает пелена пота, я хочу сдаться прямо сейчас. Я отжимаюсь второй раз, руки подкашиваются, и я уже не хочу сдаться, а у меня ощущение, что еще раз, и я просто упаду.

Я отжимаюсь третий раз. Я не знаю, как у меня получается, но крики Беллы дают мне сил. Я делаю это ради себя, ради нее. И еще для того, чтобы доказать Дэниелу что-то. Я отжимаюсь четвертый раз и громко кричу, еле-еле дотягиваюсь до того, чтобы встать в стойку. Я боюсь, что именно на пятом разу я сдамся. Боюсь, что не дотянувшись грудью до пола, сдамся. Боюсь, что не поднимусь и упаду. Но я отжимаюсь. Все тело напрягается, и я просто выталкиваю себя наверх. Пять раз. Я обессиленно падаю.

– Молодец! – одобряюще кричит Белла. Я не могу ей ответить, я просто лежу.

– Молодец, – повторяет за ней Дэниел, хотя его слова не звучат так, будто он рад за меня. Но я все равно улыбаюсь, хотя и обещала себе, что обязательно ударю его.

После пятого круга никто, кроме меня не сдается, и на шестом сдаются сразу три незнакомые мне девушки, хотя возможно, что они учились со мной. Остается только еще одна незнакомая, светленькая и Белла.

– Белла, давай, – говорю я, и она криво улыбается. У нее трясутся руки, и она еле держится. У нее слиплись волосы на лбу.

На седьмом она все-таки сдается, как и девушка с белыми волосами. Я кидаюсь к Белле и обнимаю ее, а она довольная, улыбается. Она вся мокрая, кажется, что если ее сложить, с нее потекет пот литрами.

Победила девушка, незнакомая мне. Она полновата, у нее маленький рост, широкие плечи и бедра, короткие волосы, но видно, что они выпадают. Она вскидывает кулаки вверх, победно выкрикивая слово «да!». Она мне не нравится. Не знаю, почему. Может, из-за неприятной внешности, а, может, от того, что выиграла. Парни до сих пор играют, я вижу, что выбыло только три парня.

– Я горжусь тобой, – говорю я Белле.

– Спасибо, приятно слышать, что девушка, которую я знаю неполных три дня, гордится мной, – смеется она, и я взъерошиваю ей волосы. Она лежит на моих коленях.

– Да ладно тебе, мы же подружки.

– Скажешь еще такую гадость, я тебе голову оторву, – шутливо отвечает она.

Мы смеемся, и я ничуть не огорчаюсь, что я только седьмая. Не всегда же побеждать. Мы терпеливо ждем парней, пока они закончат. Когда же наконец это происходит, мы снова становимся перед Дэниелом, Ханом, на этот раз еще Эльзой, и они объявляют результаты.

– Дамы первые, – говорит Эльза, и забирает бумажку с результатами, – первая среди девушек Кэрол Нейрон.

Все хлопают, а Кэрол снова поднимает руку вверх и кричит. Она дает каким-то девушкам пять. Короче, заметно, что она довольна собой.

Эльза передает результаты Хану. Хотя он тренирует девушек, а она парней, они все равно диктуют, кто победил, в соответствии с полом.

– Первый среди парней Дигари Горн, – громко говорит он, и все снова аплодируют и кричат одобряющие слова. Я вместе с ними. Сейчас я рада, ведь смогла преодолеть это маленькое испытание, и радуюсь за остальных тоже.

– Но к концу испытаний девушки должны отжиматься, конечно, вне адского круга, около тридцати раз, парни около семидесяти-восемидесяти. На данный момент, включая то, что вы играли и теряли силы, максимальное количество среди девушек было семь раз, среди парней двадцать семь. Мы приняли в расчет, что вы устали после забега и во время игры, поэтому совсем неплохо. Но мы надеемся на лучшее, – объявляет Дэниел.

Я чувствую себя уверенной. Я седьмая, учитывая то, что я никогда в жизни не отжималась. Я седьмая! Эти слова эхом отдаются в моей голове, пролетая по всем закоулкам моего сознания. Я хочу кричать от радости. Значит, у меня еще не все потеряно. Значит, я выживу.

На сегодня физическая тренировка окончена, остались две интеллектуальные. Мы с Беллой идем за руки на обед. Мы держимся только за мизинцы, но все равно это такая близость, которой у меня еще не было, хотя она и девушка. У меня такое хорошее настроение, что я пою какую-то давно забытую песню.

Она потом еще долго звучит у меня в голове, как и многие песни, которые имеют свойство заедать, как испортившиеся пластинка, и крутиться в голове при всех обстоятельствах, которые только возможны. Но я не стремлюсь от нее отделаться, а жду, пока она быстрее сама прекратит звучать в голове. Ведь чем больше ты стараешься что-то забыть, тем сложнее это забывается.

Иногда мне кажется, что нет объяснения тому, как правительство пришло к технике разделения Близнецов. Если бы это произошло в Ваше время, то общество не приняло бы такого кардинального изменения.

Это произошло в 2039 году. Наше общество сильно не изменилось, все было, как обычно. Обычные люди вели обычную жизнь. Те, кто вырастал не умным и не глупым, был основной частью нашей вселенной. Простой, среднестатистический человек, которых 90% всего населения. Он рос, учился на пятерки и шестерки при десятибальной шкале, вырастал каким-нибудь секретарем, женился или выходил замуж, заводил детей и доживал жизнь, как и все остальные. В принципе, это было выгодно правительству, так как эти люди не могли бунтовать, не рождалось революционеров. Остальные 10% писали книги, снимали фильмы и пели песни, они тоже не представляли угрозы.

Но в 2039 разорилась война между Северной Америкой, Южной Америкой, Китаем и Россией. 3 мировая война, ровно через сто лет начала 2 мировой войны. Казалось, что этот момент специально подбирали те, кто начал войну, сыграв такую злую шутку.

Китайцы к тому времени развились и начали войну за территорию. Можно было подумать, что они победят только из-за огромного количества солдат. Но все глубоко ошибались.

У них было генетическое оружие. Действовало оно таким образом, что при распылении его в воздухе люди не могли бы размножаться. Смысл оружия в том, что при попадании распыления в кровь или даже в дыхательные пути, оно оставалось в тебе на долгое время, но, в принципе, не приносило особых проблем. Но оно действовало на беременную женщину. Плод просто не выживал, никогда. Он не успевал развиваться и до пяти месяцев, а у тех, кто в тот момент носил плод уже после пяти месяцев, случался выкидыш. Все были в отчаянии.

Но правительство не могло дать этому случиться. Все произошло намного проще.

Правительство Китая прислало «весточку» правительству Соединенных Штатов Америки, в которой была одна маленькая ампула с веществом. Их предупредили, что именно это рассыплется по всей территории, если США не сдастся добровольно, и для примера посоветовали проверить его. Проверили и пришли в ужас. Но не хотели сдаваться. Они изучили его и решили, что могли бы разработать вакцину.

Случилось так, что именно в этот момент профессор Корнелий Йохансон предложил метод воспитания сверхчеловека. Идеала. Его не восприняли всерьез, когда он предложил свой метод несколько лет назад на собрании ученых, но сейчас у правительства не оставалось выбора. США не хотело терять свою территорию, но и не хотело подвергать опасности своих жителей. Вышло именно так, что оружие китайцев и метод Корнелия были прямо противоположны.

Что произошло, и так ясно. Через несколько недель беременным девушкам вводили препарат, разделяющий плод и оградили штат так, чтобы создать Новый мир, соответствующий Новой жизни, не вмешиваясь в остальные проблемы. Именно так написано в учебниках истории, именно так нас учили двенадцать лет в школе.

Когда у нас была тренировка, Дигари спросил у Дэниела, почему у нас почти только одно физическое восстановление. Так и было, две силовые тренировки в день и одна умственная, на которой мы редко изучали что-то новое. Этот вопрос поставил всех нас в тупик, все вдруг остановились и задумались.

– Сейчас отдохайте, во время обеда все будьте в кафетерии, – ответил Наблюдающий, и я поняла, что он тогда и скажет.

Все свободное время я думала, что это на самом деле странно. У нас ведь будет экзамен на пятьдесят процентов интеллектуальный и на столько же физический.

– Ты никогда не задумывалась над этим вопросом? – спросила у меня Белла, когда мы сидели на кроватях.

Я ответила тогда не сразу, погруженная в свои мысли.

– Только сейчас. А ты?

– Да и я тоже только сейчас. Такое чувство, будто у нас всех отключили в мозгу функцию здравого мышления, – хрипло засмеялась она, и я опять восхитилась ее белыми, ровными зубами, – интересный вопрос. Может, мы сами должны восстановить свой ум?

– Возможно, не знаю.

Тогда на этом разговор закончился. Дигари задал совершенно простой вопрос, но он будто вызвал у всех какое-то недоумение. Я сидела на кровати и думала, пока не заснула. Мне приснился тревожный сон, и я проснулась в поту, но сейчас уже не помню, что за сон был.

Сейчас мы все сидим в кафетерии, и все тихо переговариваются. Мне кажется, мы с Беллой единственные, кто ест, хотя это только из-за того, что мы понимаем, что нам нужна пища для того, чтобы не сдаваться на тренировках.

– Прошу минуты внимания, – встает Дэниел, и в этот момент из-за его тона, фразы у меня такое ощущение, что он старше меня не на пару лет, а ему лет сорок, – сегодня на тренировке один из вас задал мне очень интересный вопрос. Он спросил, почему наши тренировки заключаются в основном на физических способностях? Так вот в чем дело. Об этом не разрешено говорить, но мои правила в том, что каждым своим наблюдаемым я даю какую-нибудь помощь. Первые испытания будут в основном заключаться на физической силе. Конечно, не будут проверяться только ваши силовые способности, а только большая часть. Именно поэтому сейчас у нас в основном силовые тренировки.

– А зачем тогда у нас еще и уроки? – спрашивает кто-то, и я оборачиваюсь, но не нахожу спросившего.

– Потому, что если мы не начнем восстанавливать Ваши умственные способности сейчас, потом это будет намного сложнее. Но как только вы пройдете испытания, основывающиеся на силовых способностях, все сбалансируется. Я надеюсь, что ответил на ваш вопрос, а теперь приятного аппетита.

Теперь я понимаю, что это завал. Мне остается только надеяться, что я не буду последней. Мне нужна лишняя помощь на экзамене, а не то, что потянет меня вниз. Пошла уже вторая неделя, первое испытание будет через несколько дней.

– Ты вся позеленела, – говорит Белла, и я улыбаюсь в ответ. Мне нечего ей ответить.

– Как у тебя с Расселом? – спрашиваю, чтобы сменить тему. Это ее партнер.

– Мы почти не общаемся, – равнодушно пожимает она плечами.

Сначала я не решаюсь спросить, почему. Я сама не общаюсь со своим партнером. Не представляю, как буду жить с ним. А если я плохо сдам экзамены, ему придется ехать со мной. Тогда он будет ненавидеть меня всю жизнь.

– Но зато вы не испытываете, что готовы разорвать друг другу глотку, – стараюсь я пошутить.

– И то правда, – слегка улыбается, – но я понятия не имею, что у нас может быть общего.

– Я тебя понимаю, Белла, – говорю, чтобы поддержать.

Осматриваю кафетерий. Вижу, что Рассел сидит в своей компании. Мы встречаемся взглядами, когда он поворачивает голову, а потом он переводит взгляд на Беллу и улыбается. Она ему отвечает тем же, но я сомневаюсь в искренности улыбки.

Больше сегодня мы не поднимаем эту тему.

После обеда у нас снова тренировка. Я тяжело вздыхаю. Прошло чуть больше недели, но мне уже кажется, будто я здесь целую жизнь. Нам говорят, что бы мы разделились на две группы. Мы идем за Ханом, вторая группа идет с Эльзой. Наша группа идет на прощадку, а вторая в другую сторону.

На площадке мы становимся в шеренгу, и нам снова дают устройство, которое было на нас при залезании на дерево. Я помню, что оно измеряет биение сердца. Нам объясняют, что мы не должны их снимать, но зачем они нам понадобятся, нет. Идем в лес.

Я первое время рассматриваю округу. Мы здесь бегаем почти каждое утро, но я не устаю восхищаться здешней природой. Деревья здесь не очень близко стоят друг к другу, и может показаться, что мы находимся в нелюдимом парке. Но потом я задумываюсь.

Что ждет меня впереди? После экзаменов, если я выживу. Я уеду в зоны и буду воспитывать Близнецов? Иногда мне кажется, что такая жизнь мне бы понравилась. Мне нравятся дети, но я ведь наблюдаю за ними со стороны. Как я буду относиться к ним, когда я буду жить с ними всю жизнь? Какой я стану, не имея возможности развиваться так, как развиваются люди из «смешанной» зоны?

У Элоди только первое поколение Близнецов в воспитанниках, но ей еще предстоит два. Я не могу судить, каким человек станет после стольких лет, но я знаю, что Ким третье поколение у ее приемной матери. Лина выглядит уставшей и замученной, но я не могла бы сказать, что она несчастлива.

Ким... Страшно, что я ее больше не встречу. Мы все меняемся после Соединения. Чаще всего те, кто дружил до процедуры, встречаясь, даже не узнают друг друга. Это страшно, не узнать человека, с которым ты общался столько лет. Увидеть его и не понимать, что ты в нем нашел когда-то, почему вам было интересно вместе.

Я не скажу, что она очень ждала процедуры, но ей не было страшно. Она принимала это, как должное, будто это новообретенная обязанность человека. Это было для нее так же обыденно, как рождение, как свадьба.

Я не часто вспоминаю ее, и мне немного стыдно. Мы много лет были вместе, мы могли друг другу доверять. Интересно, Ким вспоминает меня?

«Привязанность к кому-либо определенному мешает развитию Близнеца, а позже соединенного. Человек должен уметь расставаться с чем-то, оставлять свое прошлое перед процедурой и обрести новую, Идеальную жизнь. (Отрывок из учебника по социальным знаниям 12-ого класса)».

Наверное, это правильно, уметь расставаться с тем, кто тянет тебя воспоминаниями, как тяжелый груз. Уметь расставаться с тем, чего не вернуть. Но тогда с какой целью человек живет, не имея права вспоминать? Помнить то, что когда-то приносило радость? Что когда-то делало тебя счастливым?

Эти мысли тяготят меня больше, чем воспоминания. Я мечусь между двумя временами, в моем прошлом и в моем настоящем, где Сьюзен Харриган до процедуры, и где Сьюзен Харриган после процедуры.

Я задумываюсь на столько, что не замечаю что-то под моими ногами, только когда моя нога цепляется за что-то, и я чувствую, что теряю равновесие. Нога выворачивается, и я падаю на бок, рефлекторно расставляя руки в стороны. У меня чувство, будто я падаю не на землю, а в бесконечность. Это от того, что время будто замедляется и тянется, как улитка. Я проезжаю немного боком, больно обдирая колени. Это напоминает мне, когда я отлетела в первую ночь, когда Дэниел открыл дверь в смотровую комнату.

Я только успела вскрикнуть, как ко мне подлетает Белла. Она встревожена, но я говорю ей, что все хорошо, и ей не стоит волноваться. Она улыбается и подает мне ладонь, я хватаюсь за нее и, отталкиваясь другой рукой от земли, приподнимаюсь. На земле остается длинная темная полоса от того, как я проехала.

На меня практически никто не оборачивается. Такое чувство, будто у них отключена такая функция, как внимательность, ведь хотя бы на мой крик или звук того, что я упала, они бы инстинктивно обернулись бы. Мне даже становится немного обидно.

Дальше я стараюсь не задумываться о серьезных вещах. Коленка до сих пор болит, как и бедренная кость, и я не хотела бы снова упасть. Я не замечала за собой раньше такой невнимательности и неуклюжести.

Мы проходим мимо большого дерева, и я думаю о том, что слава Богу, что нас не заставили лезть на такие деревья. То, на которое я карабкалась, значительно меньше этого, это как сравнить рост младенца и взрослого человека, грубо говоря. На такое залезть не столько сложно, сколько страшно, и, упав с такого, ты уже не выживешь точно.

Когда мы проходим чуть больше получаса, я понимаю, что что-то не так. Здесь деревья намного гуще и солнцу сложнее пробраться. Еще нет и вечера, но все равно здесь мрачно. Мы никогда не забирались так поздно, да и вообще шли по другой тропинке.

– Куда мы идем? – спрашиваю я Беллу.

– Что? – она будто просыпается из какого-то сна, – О. Я не заметила, как мы шли.

Я смотрю по сторонам и замечаю, что остальные тоже не особо интересуются, куда мы идем. Будто все разом перестали волноваться.

Вспоминаю недавно сказанные Беллой слова: «Такое чувство, что у нас всех отключили функцию здравого мышления».

Потом мы останавливаемся, и я вижу Веронику. Она одета, как обычно, но сейчас на ней сапоги и теплая накидка. Смотря на нее, я завидую ей, ведь мне тоже стало зябко. Предполагаю, что вторая группа встретит Селесту, если они вообще сейчас идут куда-то. Втайне я хочу оказаться на их месте, ведь если они дома, то сидят в тепле и уюте, возможно, с чашкой чая в общей гостиной, отдыхая. Я потираю ладонями локти, пытаюсь согреться. Чувствую кожей мозоли на руках, они обдираются, но мне не больно. Очень холодно, на коже появляются мурашки.

Дэниел и Хан подходят к Веронике. Только сейчас я замечаю, что они тоже взяли с собой теплые кофты. За учительским составом стоит большой пикап, передние фары освещали бы лес, но его загораживают люди.

– Вы все помните, что первое испытание в субботу, через четыре дня, – начинает Вероника, но я не понимаю, на что она намекает, – но даже мы не знаем, что там будет, – я думаю, она врет.

Она замолкает. Такое чувство, будто она специально держит «интригу». Как всегда.

– Не будем тянуть кота за хвост, – говорит она. Слава Богу, – на экзамене вам никто не поможет. Вы должны работать индивидуально, сегодня ваша первая серьезная тренировка. Ваша задача – выбраться из леса. Ограничения во времени есть: вы должны выбраться до утра. Можете идти по-одному, можете не разделяться. А мы будем наблюдать за вами со стороны.

Слова она произносит, будто скороговорку. Ее пухлые руки сложены на груди, а светлые волосы аккуратно сложены в валик.

После этих слов она садится в пикап, как и Дэниел с Ханом. Я даже обдумать ее слова не успеваю, как они скрываются за нами, а потом и свет от фар потухает.

– Что, простите? – спрашиваю я, находясь в тихой истерике.

Мы в темноте, без теплых вещей, еды, воды, еще неизвестно, как нам выбираться. Я черчу стрелу в сторону, куда уехала машина, чтобы не забыть. Конечно, вряд ли нам это сильно поможет, но мы хоть не уйдем в совершенно обратную сторону.

– Кажется, от нас решили избавиться, – пытается шутить Белла, – и просто решили, что это самый простой способ.

Мне больше хочется верить, что она права, чем думать о том, какие будут испытания и следующие тренировки. Не прошло и полторы недели, как они нас обрекли на смерть.

Я смотрю под ноги, в надежде, что отчетливо заметны следы, но я ошибаюсь. Земля сухая, следов совсем невидны, учитывая то, что у нас даже нет света. Но это не самое плохое. Там, где завернул пикап, тропинка разветвляется, образуя перекресток. Машина поехала направо, но если дальше тоже будут перекрестки, мы не выберемся отсюда и через год.

– Ты запомнила дорогу, когда мы шли? – спрашивает Белла, и я хочу засмеяться от чувств, нахлынувших на меня. Усталость, слабость, безысходность.

– Я на первых ста метрах перестала по сторонам смотреть, – отвечаю, она слабо улыбается, наверное, пытаюсь подбодрить меня.

Сейчас около четырех часов, но солнце не будет освещать нам путь вечно. Я не слышу ни пения птиц, ни стрекот кузнечиков. Такое чувство, будто вся живность давно покинула эту местность. Дует легкий ветер, но учитывая то, что здесь очень холодно, это не идет на пользу. Я радуюсь тому, что хорошо поела сегодня.

Никто не сделал ни шага. Такое чувство, будто все сразу окаменели. У нас в детстве была игра «заморозки». Суть состояла в том, что один человек ловил остальных, а дотрагиваясь до них, они замирали, будто замороженные. Сейчас все стоят примерно так же.

– Что делать будем? – спрашивает блондинка, которая вызвалась бежать первой на недавних соревнованиях.

– Понятное дело, что идти, – подходит к ней плотный парень. У него выпали все волосы, но он, будто по привычке, проводит по лысине пятью пальцами.

– Ага, – возмущается она, складывая руки на груди, – легко сказать. Куда?

– Направо.

Он так невозмутимо это говорит, поднимая плечи, что мне хочется улыбнуться. Я смотрю на свою стрелку, которую начертила. Она не понадобилась, ну и ладно. Мы плотной кучей идем в сторону, куда поехала машина, и я вздрагиваю каждый раз, когда чья-то холодная кожа случайно касается меня.

Дорога движется некоторое время прямо, но через какое-то время снова разветвляется. Следов не видно ни на одной из них. Не видно вдалеке фар, не слышно шума машины, но это и понятно, они уже далеко уехали.

– Думал, так все просто? – спрашивает блондинка лысого парня, – а теперь куда?

– Разделимся, всего-то. Половина с тобой пойдет, половина со мной.

– Нам не стоит разделяться, Марк, – вступает в разговор Белла, – как мы потом найдем друг друга?

– Твоя правда. Есть варианты получше? Андреа? Изабелла? Кто-нибудь еще?

Я понимаю из разговоров, что девушку со светлыми волосами и оранжевыми глазами зовут Андреа, а парня без волос Марк.

– Я не знаю, какие еще варианты, но Белла права, – говорю.

Не помню, с какого момента стала высказывать свое мнение. Мне всегда казалось, что правильное решение найдет кто-то другой, а то, что скажу я, не так и важно. Но, как сказал Шон, мой приемный отец, – если хочешь что-то сделать хорошо, сделай это сам.

– И что ты предлагаешь сделать? – спрашивает Марк, снова проводя рукой по голове. Мне его жаль, возможно, он любил свою прическу.

Близнецы никогда не делают себе какие-то особенные стрижки. Девушек подстригают до ушей, в основном, иногда до плечей. Чаще всего девушкам захватывают волосы сзади, если волосы длинее, то делают косу или хвост. Парней стригут под ежика. Может, у Марка были чуть длинее волосы. Это не приветствуется, но и не запрещено. Пока не запрещено.

– Я... Я не знаю, – отвечаю ему, обхватывая руками талию, пытаюсь согреться, – Но я знаю, что разделяться не стоит. Если выберется одна группа, то как мы найдем вторую?

– Значит, вторая останется в лесу, – говорит Марк, а я на этих словах вздрагиваю. Не хочу остаться в лесу.

– Это не солидарно по отношению к остальным, – делает шаг Андреа навстречу ко мне, и это единственный момент, когда я согласна с ней.

– Пока никто не придумает другой вариант, мы разделяемся.

– Мы не должны разделяться! – Повышаю голос я, но никто не пытается поддержать меня. Я с надеждой смотрю на Беллу, но она качает головой, мол, извини, Сьюзен, у нас действительно нет другого выхода. Смотрю на остальных, но такое чувство, будто всем плевать.

– Разделяемся, – игнорирует меня Марк, обходя стороной, – все, чье в алфавите до буквы «Н», идут со мной. Те, чье имя после, идут с Андреа. Советую каждому посчитать людей в своей группе, будет жаль, если кто-то потеряется.

Отличный способ разделить на две группы. Гениально. Я оказываюсь с Беллой в отдельных группах, и мне это уже не нравится. Я надеюсь, что блондинка противостоит Марку, но она пожимает плечами.

– Но... – пытаюсь сделать я еще одну попытку, но все начинают разделяться.

– Мы пойдем направо, – говорит Андреа, когда ее группа уже стоит рядом с ней.

– Мне без разницы, – соглашается Марк.

– Если что-то случится, кричите.

– Да что может случиться? – усмехается.

Да, а мы ведь тогда не знали, что это «что-то» случится.

Когда мы проходим десять минут, и дорога не меняет направление, я радуюсь. Есть маленькая надежда, что и дальше не будет разветвлений. Но это невозможно, и через некоторое время я вижу, что перед нами опять перекресток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.